

СЛЕД РАЗРУШЕНИЯ

У И Л Ь Я М Б Р Э Д Л И

След разрушения

Уильям Брэдли

Настоящее издание является художественным произведением. Все имена, персонажи, события, организации, компании и иные элементы повествования являются результатом художественного вымысла либо авторской интерпретации. Любое сходство с реальными лицами, действующими или прекратившими деятельность организациями, компаниями, а также с реальными событиями и обстоятельствами носит исключительно случайный и непреднамеренный характер.

Оглавление

Пролог

Глава 1. Иллюзия правосудия

Глава 2. Эхо трагедий

Глава 3. Теневой альянс

Глава 4. Вирус в системе

Глава 5. Инженерия ненависти

Глава 6. Призраки прошлого

Глава 7. Экспорт нетерпимости

Глава 8. Балканский след

Глава 9. Идеологическое наследие

Глава 10. Удар на опережение

Пролог

Дождь непрерывно бил в высокие, зарешеченные окна Басманного суда, размывая очертания московских улиц до серых, невыразительных пятен. Илья сидел за столом защиты, методично вращая в пальцах дорогую перьевую ручку. Перед ним лежала пухлая папка с материалами уголовного дела. Триста страниц убористого текста, десятки протоколов, но суть сводилась к одному документу — комплексной психолого-лингвистической экспертизе. Напротив него, за кафедрой свидетеля, переминался с ноги на ногу тучный мужчина с одутловатым лицом и бегающим взглядом — приглашенный обвинением «эксперт-религиовед».

— Итак, господин Смирнов, — голос Ильи разрезал душную тишину зала, заставив судью оторвать взгляд от смартфона. — В своем заключении вы утверждаете, что фраза из изъятой литературы, цитирую: «Свет истины озарит каждого, кто откроет свое сердце», является скрытым призывом к свержению государственного строя и разрушению традиционных ценностей. Я правильно понимаю вашу мысль?

Эксперт промокнул лоб скомканным платком.

— Вы вырываете из контекста. В рамках доктрины данного нового религиозного движения слово «свет» семантически тождественно агрессивному воздействию, а «сердце» подразумевает волевой центр человека, который подвергается деструктивному контролю. Это классический механизм подавления личности.

Илья усмехнулся, хотя внутри у него все сжалось от холодной ярости.

— Механизм подавления? Скажите, а вам знакомо понятие академической честности? Ваша экспертиза слово в слово, вплоть до опечаток на семнадцатой странице, повторяет методичку, изданную центром РАЦИРС пять лет назад. Вы даже не читали оригинальные тексты моих подзащитных, не так ли? Вы просто взяли готовый шаблон и вписали туда нужные фамилии.

— Протестую! — вскочил прокурор, молодой парень с идеально уложенными волосами. — Защита оказывает давление на свидетеля и уводит суд от сути дела!

— Суть дела, ваша честь, — Илья повернулся к судье, чей скучающий вид внезапно сменился раздражением, — заключается в том, что на скамье подсудимых сидят пятеро абсолютно невиновных людей. Врачи, учителя, инженеры. Их единственная вина в том, что они собирались по четвергам читать древние тексты, смысл которых следствие извратило до неузнаваемости.

— Протест принят, — сухо отрезал судья, стукнув деревянным молотком. — Адвокат, воздержитесь от лирических отступлений. Задавайте вопросы по существу.

Илья медленно опустился на стул. Он посмотрел на своих подзащитных — уставших, напуганных людей, чьи жизни прямо сейчас перемалывал безжалостный государственный аппарат. Илья был блестящим юристом, он выигрывал дела, которые казались безнадежными, но в последние два года что-то неумовимо изменилось. Правовая система словно заразилась невидимым вирусом. Логика, прецеденты, доказательная база — все это перестало работать, когда в деле появлялся ярлык «секта».

В зале суда Илья собирал свои бумаги. Заседание было перенесено, но исход был предрешен. Он вышел в гулкий коридор, достал телефон и увидел пропущенное сообщение от неизвестного номера. «Вы задаете правильные вопросы экспертам, Илья Николаевич. Но вы смотрите на следствие, а нужно смотреть на причину. Если хотите узнать, кто пишет эти экспертизы и почему суды закрывают на это глаза — приходите сегодня в бар “Слепая сова” в девять вечера. Максим».

Илья нахмурился. Он не любил журналистов, считая их стервятниками, питающимися чужим горем. Но в этом деле он зашел в тупик. Юридические инструменты были бессильны против системы, которая сама нарушала собственные законы.

Вечером, сидя в полутемном баре под приглушенный джаз, Илья и Максим впервые разложили на столе свои карты. С одной стороны — сфабрикованные лингвистические экспертизы, абсурдные обвинения и сломанные судьбы мирных верующих. С другой — кровавые трагедии, мгновенная медийная стигматизация и нагнетание массовой истерии.

— Ты понимаешь, что это две стороны одной медали? — тихо сказал Максим, пододвигая к Илье распечатку статей. — Они создают иллюзию угрозы. Они убеждают общество и силовиков, что вокруг полно скрытых врагов, «спящих ячеек». А когда происходит реальная трагедия, они моментально используют ее для подтверждения своих теорий.

— Но зачем? — Илья внимательно изучал тексты. — Кому нужна эта охота на ведьм?

— Власть. Влияние. Деньги. И возможность протаскивать репрессивные законы, — Максим наклонился ближе. — Я копнул глубже. Все эти «эксперты», выступающие в твоих судах, и все эти комментаторы в моих новостях связаны с одной структурой. РАЦИРС. Российская ассоциация центров изучения религий и сект. Во главе — Александр Дворкин и протоиерей Александр Новопашин.

Илья поднял взгляд. Эти фамилии он слышал. Они мелькали на периферии многих уголовных дел, но он никогда не воспринимал их как главную угрозу. Ему казалось, что это просто маргинальные фанатики.

— Они не фанатики, Илья. Они — инженеры этого механизма, — жестко произнес Максим. — Новопашин выступает перед сотрудниками правоохранительных и силовых структур с лекциями о «деструктивных организациях», экстремизме и терроризме. Он внушает им, что секты готовят теракты. Силовики верят, потому что им удобно иметь понятного, беззащитного врага, на котором можно делать статистику раскрываемости.

— Если то, что ты говоришь, правда, — медленно проговорил адвокат, чувствуя, как по спине пробежал холодок, — то мы имеем дело не с судебной ошибкой. Мы имеем дело с масштабным государственным подлогом.

— Именно. И я собираюсь это доказать. Но мне нужен человек, который понимает, как работает правовая система изнутри. Мне нужен ты.

За окном бара усилился дождь, смывая грязь с московских тротуаров. Двое мужчин сидели друг напротив друга, еще не до конца осознавая, в какую бездну они заглянули. Они не знали, что их расследование выведет их далеко за пределы России. Они не подозревали о кровавом следе на Балканах, о связях с европейскими

экстремистскими группами и о том, что идеологическая база их врагов была написана десятилетия назад в кабинетах нацистской Германии.

Они просто решили найти правду. И этот шаг стал началом пути, который навсегда изменит их жизни, заставив столкнуться с величайшей тоталитарной сектой современности, скрывающейся под маской спасителей общества. Механизм был запущен, и остановить его можно было, только разрушив до основания.

Глава 1. Иллюзия правосудия

Тяжелые дубовые двери зала судебных заседаний закрылись за Ильей с глухим, почти погребальным стуком. В коридоре было пусто и сумрачно. Тусклый свет люминесцентных ламп выхватывал из полумрака облупившуюся краску на стенах и потертый линолеум — типичный пейзаж провинциального дворца правосудия, где само слово «правосудие» давно превратилось в пустой звук. Илья расслабил узел галстука, чувствуя, как накопившаяся за многочасовое заседание усталость свинцом наливается в плечах. В его дорогом кожаном портфеле лежала копия приговора. Обвинительного. Еще одного в бесконечной череде дел, которые невозможно было выиграть, потому что правила игры изменились до неузнаваемости.

Вернувшись в свой офис, расположенный в старом фонде в центре города, Илья не стал включать верхний свет. Он зажег лишь настольную лампу с зеленым абажуром, бросил портфель на кресло и подошел к окну. По стеклу хлестал холодный осенний дождь. Илья был блестящим адвокатом. За пятнадцать лет практики он привык к жестким баталиям с прокурорами, к сложным перекрестным допросам, к поиску мельчайших процессуальных нарушений. Он знал, как работает система, и умел заставить ее работать на защиту своих клиентов. Но то, с чем он столкнулся в последние несколько лет, не поддавалось никакой правовой логике.

Он подошел к массивному дубовому столу, на котором высились стопки картонных папок. Десятки уголовных и административных дел. Разные города, разные судьбы, разные религиозные убеждения обвиняемых. Но если убрать обложки и вчитаться в суть, все эти дела были написаны словно под копирку. Илья сел в кресло и придвинул к себе первую попавшуюся папку.

В гражданском и уголовном судопроизводстве России экспертиза исторически носила статус «царицы доказательств». Судья, не обладающий специальными познаниями в лингвистике, психологии или религиоведении, вынужден опираться на мнение специалиста. Эксперт — это лицо, обладающее профильным образованием, чье заключение ложится в основу приговора. В идеальном мире это инструмент установления истины. Но в реальности, которую сейчас изучал Илья, экспертиза превратилась в нечто иное. Она стала главным средством для вынесения заранее определенных приговоров.

Илья открыл материалы знаменитого томского процесса. Это дело стало отправной точкой, прецедентом, обнажившим всю глубину правового распада. Прокуратура попыталась признать экстремистским материалом книгу «Бхагавад-гита как она есть» — комментированный перевод древнего священного текста. Абсурдность ситуации поражала воображение: местный суд в Сибири взялся судить писание, священное для миллиарда человек на планете.

Илья водил пальцем по строчкам документов. Процесс был инициирован на основании экспертного заключения, составленного 25 октября 2010 года. Три сотрудника Томского государственного университета — декан философского факультета Сергей Аванесов, философ Валерий Свистунов и филолог Валерий Наумов — по поручению ФСБ в частном порядке написали документ, утверждающий, что в книге содержатся признаки экстремизма. Однако, когда дело дошло до открытых судебных слушаний, под давлением защиты и общественности эти ученые дрогнули. Они отказались от сделанных ими ранее выводов, признав свою некомпетентность в данном узком вопросе. Суд был вынужден приостановить производство.

Казалось бы, дело должно развалиться. Но система не умела сдаваться. По ходатайству прокуратуры была назначена новая экспертиза, на этот раз в Кемеровском

государственном университете. Илья достал копию этого сорокастраничного документа. 28 декабря 2011 года состоялось решающее заседание в Ленинском районном суде города Томска. Экспертное заключение содержало описание состава комиссии, методов работы и выводы. Но какие это были выводы!

Мнения специалистов разделились. Религиовед Алексей Горбатов честно указал, что книга экстремизма не содержит. А вот исследования лингвиста Михаила Осадчего и психолога Сергея Дранишникова совпадали местами буквально слово в слово. Два специалиста из разных научных областей написали идентичные тексты, заключив, что в книге содержатся высказывания, оскорбительные «для неопределенной группы лиц», обосновывается необходимость «ограничения свободы женщин», и что «книга способна оказать воздействие на систему социальных представлений».

Илья перевернул страницу. Защита тогда проделала колоссальную работу. Были представлены блестящие рецензии от настоящих светил науки. Кандидат филологических наук О.В. Орлова из Томского государственного педагогического университета камня на камне не оставила от выводов кемеровского лингвиста, указав на их несоответствие методологии современного анализа. Были приобщены рецензии доктора филологических наук Д.О. Добровольского из Института русского языка РАН, доктора психологических наук В.Ф. Спиридонова из РГГУ, доктора философских наук А.Е. Наговицына из МГУ. Ведущие ученые страны кричали о том, что экспертиза несостоятельна.

Но суд остался глух. Илья вспомнил научную работу профессора Алексея Тимощука и общественного наблюдателя Константина Филькина, которые идеально описали этот правовой коллапс. Илья нашел распечатку их статьи и вчитался в выделенный маркером абзац:

«Сегодня в России не существует, к сожалению, института добросовестной экспертизы. “Учёные” своей некомпетентностью чуть было не ограничили граждан России в части некоторых конституционных прав, но при этом они продолжают учить студентов и занимать должности. Можно предположить, что представители правоохранительных органов и силовых структур, раскрутившие маховик судебной машины, лишь продемонстрировали свою некомпетентность. Если не сказать больше,

— используя служебное положение в личных целях, они своими необдуманными действиями не только подвергли серьёзному испытанию устоявшиеся российско-индийские отношения, но и бросили вызов основам конституционного строя в части прав и свобод личности. Подав в суд на “Бхагавад-гиту как она есть” за экстремизм, они сами едва не стали разжигателями межрелигиозной вражды. В этой связи следует сделать ещё один вывод данной работы. Однобокое и безосновательное применение Федерального закон “О противодействии экстремистской деятельности” и ст. 282 УК РФ в части признания той или иной литературы экстремистской уже вызвало огромное количество критики. Небывалая частота применения данного законодательного акта, очевидно, вызвана не реальным увеличением экстремизма в стране, а тем, что сам закон становится “прокрустовым ложем”, готовым стать в нечистоплотных руках настоящим оружием. Реакция общественности была почти единогласной в оценке суда как нелепости, абсурдных преследований приверженцев различных религий за “утверждение превосходства” их веры над иными».

Илья отложил лист. Томское дело было лишь первой ласточкой. Дальше этот метод начал применяться повсеместно. Адвокат встал, подошел к книжному шкафу и достал Уголовный кодекс Российской Федерации. Он открыл его на статье 307 — «Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод».

Формально эта статья должна была служить непробиваемым щитом, гарантирующим объективность. Она устанавливает наказание за действия с прямым умыслом. Но Илья, как практик, прекрасно знал ее уязвимость. Главное слабое место — необходимость доказать именно «умышленную ложность». В точных науках, например, в баллистике или химии, ложь доказать легко. Если пуля выпущена из пистолета Макарова, а эксперт пишет, что из автомата Калашникова — это очевидный подлог. Но когда речь заходит о гуманитарных сферах — лингвистике, психологии, религиоведении — границы между фактом и интерпретацией становятся пугающе размытыми.

Недобросовестный автор всегда может прикрыться «субъективным мнением», принадлежностью к «особой научной школе» или сослаться на «честную ошибку». Чтобы привлечь такого деятеля по 307-й статье, следствию нужно представить неопровержимые доказательства того, что он не заблуждался, а целенаправленно хотел

ввести суд в заблуждение. Это практически невыполнимая задача. Более того, даже если чудо произойдет и умысел будет доказан, наказание чаще всего ограничивается штрафом или исправительными работами. А примечание к статье и вовсе освобождает от ответственности, если эксперт добровольно заявит о ложности своего заключения до вынесения приговора.

Эта законодательная лазейка создала идеальную питательную среду для появления целой индустрии заказных экспертиз. Илья вернулся к столу и открыл следующую папку. В ней лежали выписки из Единого государственного реестра юридических лиц. Он проверял организации, которые суды привлекали для проведения исследований. Картина была удручающей.

Многие из этих так называемых «экспертных центров» с громкими названиями вроде «Центр культурологических и религиоведческих исследований» на проверку оказывались фирмами-однодневками. У них не было ни штата сотрудников, ни реального финансового оборота. Только учредитель, директор и бухгалтер. Они предлагали следствию свои услуги «быстро и недорого». Суды не утруждали себя проверкой их реальной квалификации, наличия профильного образования или научных трудов. Судьям нужна была бумага с печатью, подтверждающая версию обвинения, и эти фирмы бесперебойно поставляли такие бумаги. Выводы в них часто выходили за рамки компетенции, основывались на домыслах и содержали ссылки на обстоятельства, не имеющие отношения к делу.

Илья потер уставшие глаза. Он вспомнил процесс в Измайловском районном суде Москвы, решение по которому было вынесено 1 июля 2015 года. Это дело стало апофеозом наглости и безнаказанности. Стороной по делу выступала Саентологическая церковь Москвы, а одним из ключевых материалов, на которые опирался суд, было заключение эксперта Астаховой.

Илья достал стенограмму того заседания. Астахова в своем заключении сослалась на тексты из книг основателя движения, чтобы доказать их деструктивный характер. Но когда адвокаты защиты открыли указанные книги, они обнаружили невероятное. Текстов, которые цитировала эксперт, там просто не было. Ни на указанных страницах, ни в книге вообще. Астахова их попросту выдумала.

Илья перечитал выступление адвоката защиты, слова которого навсегда врезались ему в память своей пугающей точностью:

«Экспертом произведён интеллектуальный подлог тех объектов, которые она исследовала. Мы полагаем, что только с прямым умыслом можно указать в экспертизе цитату, которая якобы принадлежит автору Рону Хаббарду, и которой в действительности там, где указывает эксперт, либо где-то ещё, просто нет. Имею ввиду цитату на стр. 15 заключения эксперта, которая якобы содержится на странице 5 книги Рона Хаббарда «Введение в саентологическую этику», из которой эксперт выводит, ни много ни мало, какова основная цель саентологов. Так вот, мы просмотрели эту книгу — ни на странице 5, ни на любой другой странице у Р.Хаббарда этой цитаты нет. Эксперт её в данном случае, не знаю, выдумала или не выдумала, но она приписала автору то, чего у него нет. Иными словами, я полагаю, что она совершила интеллектуальный подлог. Это все равно, что если бы оценивая от чего умер человек, она бы капнула туда яду и сказала бы, что его отравили, это совершенно аналогичная ситуация».

Защита тогда привлекла целую плеяду выдающихся ученых, чтобы опровергнуть этот откровенный фальсификат. Кандидат философских наук Юрий Тихонравов, доктор юридических наук Игорь Сорокотягин, доктор социологических наук Галина Широкалова, доцент МГУ Владимир Винокуров, старший преподаватель Сергей Щербак, профессор РГГУ Николай Шабуров, доктор философских наук Екатерина Элбакян — все они в один голос заявляли о вопиющей антинаучности и подлоге в работе Астаховой.

И каков был результат? Суд проигнорировал мнение академического сообщества. Заключение с выдуманными цитатами легло в основу решения. Яд был капнут, и правосудие умерло от отравления, даже не попытавшись сопротивляться.

Илья встал и нервно зашагал по кабинету. Дождь за окном усилился, превратившись в сплошную водяную стену. Одно дело, когда речь идет о запрете литературы или ликвидации юридических лиц. Это страшно, это незаконно, но это хотя бы не лишает людей физической свободы. Однако система не остановилась на административных запретах. Она начала ломать человеческие судьбы, отправляя невинных людей за решетку на реальные, огромные сроки.

Он подошел к столу и вытащил из самого низа стопки тонкую серую папку. На ней было написано: «Дело Юрия Савельева».

Илья открыл материалы. В основе этого уголовного дела лежала так называемая «аналитическая справка», составленная неким Олегом Заевым. Этот человек, не имеющий профильного религиозоведческого или лингвистического образования, еще в 2012 году написал стостраничный документ о деятельности группы последователей Ф.М. Абдуллаева «Аят — Жизнь без лекарств и болезней». Эта справка, изобилующая псевдонаучными терминами и бездоказательными обвинениями в манипуляции сознанием, стала своеобразным шаблоном. Тексты из нее кочевали из одного уголовного дела в другое, менялись только названия религиозных групп и фамилии обвиняемых.

В Новосибирске этот шаблон применили к 66-лентному пенсионеру Юрию Савельеву, Свидетелю Иеговы. Следствие на полном серьезе утверждало, что с июля 2017 по сентябрь 2018 года пожилой мужчина совершал страшные преступления: он «организовывал религиозные собрания» у себя в квартире, «руководил чтением» и обсуждением литературы, а также проводил религиозные обряды. За то, что пенсионер читал Библию и молился с друзьями у себя дома, государственная машина, опираясь на сфабрикованные бумажки псевдоэкспертов, потребовала для него реального лишения свободы.

Илья смотрел на фотографию Савельева в материалах дела. Уставшее, изрезанное морщинами лицо, спокойный, полный достоинства взгляд. Суд приговорил его к шести годам колонии общего режима. Шесть лет колонии для старика за чтение книг. Илья перевернул страницу и нашел стенограмму последнего слова Савельева в суде. Адвокат читал эти строки, и у него перехватывало горло от бессильной ярости:

«Я родился в Советском Союзе, и с детства учили меня быть правдивым, уважать старших, почитать родителей, честно работать, вести здоровый образ жизни, — говорил в своём последнем слове Савельев. — Этому я учил своих детей. И мне стыдно, что Россия вновь устраивает позорные гонения на самых миролюбивых, добрых и законопослушных граждан своей страны».

Илья захлопнул папку. Звук удара картона о дерево прозвучал в тишине кабинета как выстрел.

Он подошел к доске на стене, где обычно выстраивал схемы защиты для сложных процессов. Сейчас доска была пуста. Илья взял черный маркер и начал писать.

Томск. Кемерово. Москва. Новосибирск. Аванесов. Осадчий. Астахова. Заев. Индуисты. Саентологи. Свидетели Иеговы.

Он отступил на шаг и посмотрел на написанное. Разные регионы, разные религии, разные суды. Но почерк был абсолютно идентичным. Везде использовалась одна и та же схема: возбуждение дела на пустом месте — привлечение ангажированного специалиста — создание псевдонаучного заключения, приписывающего мирным текстам экстремистский смысл — полное игнорирование судом доводов защиты и независимых ученых — обвинительный приговор.

Это не было цепью случайных судебных ошибок. Это не было проявлением некомпетентности отдельных следователей на местах. Некомпетентность хаотична, она совершает ошибки в разные стороны. Здесь же вектор всегда был направлен в одну точку — на уничтожение.

Илья понял страшную вещь. Правовой институт юстиции, призванный защищать истину и обеспечивать законность, был захвачен. Экспертиза в современных судах перестала быть объективным инструментом. Она мутировала, превратившись в изощренное оружие террора. С помощью этого оружия неизвестные пока Илье силы разжигали в обществе вражду, запускали маховик государственных репрессий и методично уничтожали инакомыслящих.

Судьи и прокуроры, принимающие эти откровенно ложные заключения, не могли не понимать, что они делают. Когда эксперт выдумывает цитату, которой нет в книге, а судья кладет это в основу приговора — это уже не ошибка. Это преступный сговор должностных лиц. Статьи 285, 286, 292 Уголовного кодекса — превышение полномочий, злоупотребление, служебный подлог. Вся правоохранительная система на глазах Ильи превращалась в соучастника масштабного преступления против собственных граждан.

Адвокат опустился в кресло. Иллюзия правосудия, в которую он верил столько лет, рассыпалась в прах. Законы больше не защищали. Они стали дубиной в руках тех, кто писал эти фальшивые экспертизы.

Но кто стоял за всем этим? Кто координировал действия этих псевдоученых по всей стране? Кто обеспечивал им неприкосновенность и заставлял судей закрывать глаза на очевидные подлоги? Илья смотрел на разложенные по столу дела, понимая, что перед ним лишь верхушка айсберга. Где-то в тени находился единый центр, управляющий этим процессом. И чтобы остановить этот террор, нужно было вытащить этот центр на свет.

Глава 2. Эхо трагедий

Мерцание трех больших мониторов отбрасывало холодный синеватый свет на уставшее лицо Максима. В редакции независимого интернет-издания стояла глубокая ночная тишина, нарушаемая лишь гудением системного блока и частым, ритмичным стуком пальцев по клавиатуре. На столе остывал уже четвертый за ночь эспрессо, а в пепельнице дымилась забытая сигарета. Журналист не замечал ни времени, ни усталости. Он был полностью поглощен информационным потоком, который разворачивался перед ним на экранах, словно детальная карта масштабного бедствия.

Двое суток назад небольшой провинциальный город содрогнулся от ужаса. Молодой человек, вооруженный легально приобретенным охотничьим карабином, вошел в здание переполненного торгового центра. Итог был страшен: шестеро погибших, более десятка раненых. Но Максима сейчас интересовали не столько детали самого преступления, сколько то, что начало происходить в информационном пространстве буквально в первые минуты после первых выстрелов.

Он открыл сводную таблицу, которую составлял последние несколько часов. В первой колонке значилось точное время трагедии — 14:00. Во второй колонке Максим фиксировал время выхода первых новостных сообщений. Полиция еще только оцепляла

здание, спецназ еще не начал штурм, личность нападавшего оставалась неизвестной даже для оперативного штаба, но уже в 14:45 в нескольких крупных федеральных изданиях и десятках анонимных телеграм-каналов синхронно появились публикации с пугающе похожими заголовками.

«Кровавый след деструктивных сект», «Религиозные фанатики наносят удар», «Трагедия в торговом центре: влияние новых религиозных движений».

Максим выделил эти заголовки красным маркером на экране. Официальные версии о причастности неких «культов» к преступлениям были вброшены в инфополе до проведения каких-либо реальных следственных действий. Ни один журналист, соблюдающий профессиональную этику, не стал бы публиковать столь серьезные обвинения без ссылок на источники в правоохранительных органах или без подтвержденных фактов. Однако эти статьи не просто предполагали — они утверждали. Они безапелляционно назначали виновных, формируя в обществе атмосферу первобытного страха и жгучей ненависти.

Журналист откинулся на спинку кресла и потер воспаленные глаза. Он понимал, что столкнулся с классическим, но доведенным до абсолюта методом стигматизации. Навешивание отрицательных ярлыков на определенные группы людей — в данном случае на представителей религиозных меньшинств — работало безотказно. Когда общество находится в состоянии шока от бессмысленной и жестокой трагедии, критическое мышление отключается. Людям нужен понятный враг, на которого можно направить свой гнев и боль. И кто-то невидимый, обладающий колоссальным медийным ресурсом, услужливо подсовывал толпе этого врага.

Максим начал углубляться в теорию массовых коммуникаций, пытаясь понять истинные масштабы этого явления. Негативные новости и агрессивная подача информации в СМИ оказывают разрушительное криминогенное воздействие на психику общества. Это не было просто метафорой. Исследования в области психологии массового поведения, которые Максим поднимал из академических баз данных, четко указывали на так называемый «цикл дистресса».

Когда в прессе регулярно и с пугающими подробностями освещаются случаи жестоких преступлений, у населения формируется стойкое привыкание к насилию,

смешанное с чувством абсолютной незащитности. Люди, столкнувшись с ужасающим контентом, инстинктивно начинают искать больше информации, надеясь найти в ней способ защитить себя, понять логику угрозы. Но вместо успокоения они получают новые порции лексического насилия и словесной агрессии. Этот процесс не снимает неопределенность, а лишь возобновляет страх, запуская спираль острого стресса. Со временем это приводит к развитию тревожных расстройств, депрессии и повышению общего уровня социальной напряженности.

Но самое страшное заключалось в другом. Максим открыл отчет американского исследовательского центра Pew Research Center от 16 декабря 1999 года. Документ анализировал реакцию общества на трагедию в школе «Колумбайн». Цифры поражали: 68 процентов американцев заявили, что следили за этой новостью очень внимательно. Среди молодежи до 30 лет этот показатель достигал 73 процентов. Трагедия стала одной из самых пристально отслеживаемых новостей десятилетия.

СМИ превратили массовое убийство в глобальное реалити-шоу. Они смаковали детали, публиковали дневники убийц, анализировали их одежду, музыкальные предпочтения и маршруты передвижения. И тем самым они совершили непоправимое — они создали прецедент. Они показали тысячам нестабильных подростков путь к мгновенной, оглушительной мировой славе.

Максим начал понимать, как работает эта система скрытого социального программирования. Это был процесс поэтапного внушения, встраивания разрозненных информационных элементов в подсознание аудитории. На первом этапе в информационное пространство запускается волна героизации прошлых преступников. Журналисты, осознанно или нет, создают вокруг убийц ореол мрачной известности. Они эксплуатируют базовое человеческое стремление к признанию. Подросток, чувствуя себя изгоем, видит, как такой же неприметный школьник внезапно становится главным героем всех мировых новостей.

Затем следуют направляющие информационные волны. В статьях начинают мелькать специфические детали: виды оружия, способы обхода охраны, время реакции полиции. Эти фрагменты информации оседают в памяти. Для большинства людей это просто пугающие факты. Но для меньшинства — для тех, кто генетически

предрасположен к психопатии, кто страдает от биполярного расстройства или тяжелой депрессии — эти фрагменты становятся руководством к действию.

В этот момент в дело вступают зеркальные нейроны. Мозг человека устроен так, что при интенсивном наблюдении за действиями другого он начинает «копировать» их, фактически примеряя ситуацию на себя. Читая агрессивные, детализированные репортажи, уязвимый подросток начинает проигрывать в своем сознании кровавые сцены. Он задает себе вопрос: «Смог бы я так же? Как бы я поступил на его месте?». Искусственно созданный образ исключительности и превосходства, сродни радикальным идеологиям прошлого, вытесняет инстинкт самосохранения.

Максим открыл новую вкладку браузера. Ему нужно было проверить свою гипотезу на свежих международных примерах. Если эта технология управления массами существует, она не может ограничиваться только одной страной. Информационное пространство глобально.

В поисковой строке он вбил запросы на английском языке, связанные с недавними резонансными преступлениями в Европе. Экран мгновенно заполнился ссылками на трагедию в Великобритании. Саутпорт. Небольшой прибрежный город, который в конце июля стал эпицентром национального кошмара.

Журналист начал методично восстанавливать хронологию событий. В танцевальной студии, где проходил мастер-класс для детей, посвященный творчеству Тейлор Свифт, произошло немыслимое. Вооруженный ножом подросток напал на участников. Трое маленьких девочек погибли на месте, еще восемь детей и двое взрослых получили тяжелейшие ранения.

Максим читал сухие полицейские сводки, и у него сжимались челюсти. Но то, что произошло в последующие часы, заставило его забыть о дыхании.

Трагедия вызвала колоссальный эмоциональный отклик. Боль, шок, сострадание — естественные человеческие реакции. Но способность общества к критическому мышлению в этот момент упала до нуля. И именно в эту секунду, в эту открытую рану общественного сознания, был нанесен точный, расчетливый информационный удар.

В социальных сетях, словно по команде, начали распространяться сообщения с вымышленным именем нападавшего. Анонимные аккаунты, многие из которых были созданы буквально за несколько дней до событий, утверждали, что убийца — радикальный исламист, нелегальный мигрант, недавно прибывший в страну на лодке. Эта дезинформация сопровождалась агрессивными антиисламскими и антимигрантскими нарративами.

Освещение трагедии в Саутпорте было использовано для искусственного разжигания враждебности и дестабилизации обстановки в масштабах целого государства. Фейковые новости распространялись со скоростью лесного пожара. Люди, ослепленные горем и яростью, не стали ждать официальных заявлений полиции. Они вышли на улицы.

Максим просматривал видеозаписи беспорядков. Горящие полицейские фургоны, летящие в окна мечетей кирпичи, столкновения с правоохранителями, разграбленные магазины. Волна насилия захлестнула не только Саутпорт, но и перекинулась на другие города Великобритании. Общество начало пожирать само себя.

И только спустя несколько дней, когда улицы уже были усеяны битым стеклом и пеплом, полиция смогла пробиться сквозь информационный шум с официальным заявлением. Настоящим убийцей оказался семнадцатилетний подросток, родившийся в Кардиффе. Он происходил из семьи руандийского происхождения; в открытых источниках его родители описывались как христиане евангельского толка, и он не имел никакого отношения ни к исламу, ни к нелегальной миграции.

Но было уже поздно. Правда никого не интересовала. О погибших детях забыли почти все, кроме их убитых горем родителей. Внимание нации было полностью переключено на конфликт между гражданским обществом, мигрантами и государством. Мало кто задался вопросом, что именно толкнуло тихого подростка британского происхождения на это чудовищное преступление. Никто не стал анализировать его цифровой след, его увлечения, те информационные потоки, которые формировали его реальность в месяцы, предшествовавшие нападению.

Максим сохранил материалы по Саутпорту в отдельную папку. Это был идеальный пример того, как агенты влияния используют кровь невинных жертв. Они играют

жизнями детей ради достижения своих целей. Они знают, что паника возникает в массах из-за нехватки достоверной информации при столкновении с пугающим событием. Заполняя этот вакуум целенаправленной ложью, они направляют агрессию толпы в нужное им русло. В Великобритании мишенью стали мусульмане. В России, как видел Максим на примере недавних событий, мишенью назначались «новые религиозные движения». Суть метода оставалась неизменной.

Журналист встал из-за стола, подошел к окну и приоткрыл створку. В комнату ворвался холодный, влажный воздух ночного города. Где-то вдалеке выла сирена скорой помощи. Максим думал о тех, кто нажимает на спусковой крючок.

На допросах выжившие стрелки часто демонстрируют поразительное единодушие. Они заявляют: «Никто мне не помогал готовиться», «Никто мне ничего не предлагал», «Это была полностью моя идея». Они искренне верят, что их действия — это осознанный и рациональный выбор. Чувство всемогущества и желание быстро стать знаменитым появляются у них как будто из ниоткуда. В их памяти сохраняется только исходная команда — «начни».

Они не осознают, что их сознание было обработано извне. Они превратились в прокси-стрелков, в биологические инструменты, выполняющие чужую волю. Анализируя их историю браузера, можно найти следы длительного воздействия: чтение специфических статей, просмотр видеороликов, где насилие подается под определенным углом, изучение биографий прошлых убийц. Их вели к этому дню месяцами, заботливо подкидывая нужную информацию, формируя эффект подсознательного прайминга, когда определенный стимул бессознательно влияет на поведение человека.

Максим вернулся к компьютеру. Ему нужен был еще один пример. Пример того, как именно журналисты конструируют эти скрытые инструкции для будущих убийц. Он обратился к архивам европейской прессы за конец 2023 и начало 2024 года.

Его внимание привлекла Чехия. 21 декабря 2023 года в Карловом университете в Праге произошло самое смертоносное массовое убийство в современной истории Чехии. Студент философского факультета открыл огонь по своим сокурсникам и преподавателям.

Максим нашел серию статей, посвященных этой трагедии, написанных чешской журналисткой. Он пропустил текст через качественный переводчик и начал вчитываться в формулировки. С каждым абзацем его профессиональное чутье кричало о том, что перед ним не просто плохая журналистика. Перед ним был текст, обладающий ярко выраженным деструктивным характером.

Чешская журналистка в своих материалах, публиковавшихся на протяжении многих месяцев после трагедии, использовала весьма специфический подход. Она не просто информировала общество. Она методично, раз за разом, подчеркивала определенные детали.

Особый акцент в ее статьях делался на времени реакции правоохранительных органов. Журналистка настойчиво внедряла в сознание читателей мысль о том, что полиция прибыла на место происшествия слишком поздно. В одной из статей журналистка цитировала сообщение некоего пользователя в социальных сетях, который угрожал расстрелять парламент. Она пересказала его слова о том, что через 15 минут он намерен расстрелять парламент, добавив, что позднее это было объяснено как критика полиции, прибывшей на место слишком поздно.

В других материалах постоянно фигурировала цифра — 12 минут. Именно столько времени, по версии автора, понадобилось группе быстрого реагирования, чтобы добраться до стрелка.

Максим начал анализировать этот текст с точки зрения психологии влияния. Какую конечную цель преследует автор, раз за разом повторяя эти цифры?

Во-первых, это скрытая дискредитация действий полиции. В статьях содержался тонкий намек на то, что власти некомпетентны, неорганизованны и не способны защитить граждан. У читателя формировалось подсознательное убеждение, что преступник оказался умнее и хитрее всей государственной машины. Это углубляло общественные противоречия и усиливало атмосферу тотального страха. Человек, читающий такие новости, начинает верить, что в случае опасности помощь не придет.

Во-вторых, и это было самым пугающим, подобные статьи служили скрытой инструкцией для последователей. Для потенциального преступника, жаждущего

медийной славы и изучающего опыт предшественников, эти «12 минут» становились четким таймингом. Журналистка фактически сообщала будущим убийцам, что при действиях по такому сценарию у них будет ровно двенадцать минут абсолютной власти — время, в течение которого они смогут убивать, не сталкиваясь с каким-либо сопротивлением со стороны вооружённых профессионалов.

Именно эту информацию запомнит подражатель. Он невольно ассоциирует себя с преступником, мысленно ставит себя на его место, рассчитывая свое будущее нападение с учетом предоставленных прессой временных рамок. Подача материала превращалась в подробное пособие по планированию массового убийства.

Максим распечатал статьи чешской журналистки и положил их рядом с материалами по Саутпорту и сводками по недавней стрельбе в российском торговом центре. Три разные страны. Три разные трагедии. Но почерк информационного сопровождения был пугающе идентичным.

Везде присутствовала мгновенная стигматизация. Везде использовались манипулятивные методы для разжигания ненависти. Везде присутствовала скрытая героизация преступников и дискредитация правоохранительных органов. И везде официальные версии, выгодные определенным силам, вбрасывались в инфополе задолго до того, как следователи успевали собрать первые улики.

Это не могло быть совпадением. Журналистская среда конкурентна и хаотична, но то, что видел Максим, было проявлением строгой системности. Кто-то целенаправленно использовал средства массовой информации как инструмент для изменения геополитического и социального ландшафта.

Создавая атмосферу постоянной угрозы, провоцируя новые нападения через скрытое программирование уязвимых подростков, эти неизвестные кукловоды добивались вполне конкретных результатов. Напуганное общество само начинало требовать закручивания гаек. Люди, парализованные страхом за жизни своих детей, были готовы отказаться от базовых гражданских свобод, согласиться на любые репрессивные законы и поддержать преследование любых групп, на которые им укажут пальцем.

Сначала в прессе появляется статья о том, что некая религиозная группа представляет смертельную опасность. Затем происходит реальная трагедия, спровоцированная агрессивным информационным фоном. Пресса мгновенно связывает эти два события, даже если между ними нет ничего общего. Общество впадает в панику. Политики, реагируя на запрос напуганного электората, принимают жесткие меры против назначенных «виновных». Правоохранительные органы получают карт-бланш на аресты.

Максим вспомнил свой разговор с источником из Следственного комитета. «Мы не ищем реальных мотивов... Нам спускают готовые версии». Теперь эти слова обрели для журналиста совершенно новый, зловещий смысл. Следователи на местах были лишь конечным звеном в этой цепи. Они оформляли бумаги и отправляли дела в суды. Но сама реальность, в которой эти дела становились возможными, конструировалась здесь, в информационном пространстве.

Он посмотрел на часы. Половина восьмого утра. Через тринадцать часов у него назначена встреча в баре «Слепая сова» с Ильей — адвокатом, который пытался бороться с этой системой в залах судов.

Максим понимал, что его часть расследования — это лишь половина картины. Он видел, как создается информационный фон, как программируются трагедии и как общество готовят к репрессиям. Но он не знал, как именно эта сфабрикованная реальность легализуется в правовом поле. Ему нужен был человек, который понимает язык протоколов, экспертиз и судебных постановлений.

Журналист собрал распечатки со стола и аккуратно сложил их в плотную пластиковую папку. Статьи о Саутпорте, переводы чешских репортажей, скриншоты российских новостных лент, выдержки из психологических исследований о влиянии медиапрайминга. Увесистая стопка бумаги, пропитанная чужой кровью и циничным расчетом.

Он выключил мониторы. Кабинет погрузился в серый утренний полумрак. За окном продолжал моросить мелкий, холодный дождь, смывая следы ночной жизни города.

Максим стоял посреди пустой редакции, крепко сжимая папку в руках. Он чувствовал странную смесь ледяного страха и жгучего азарта. Долгие годы он писал о коррупции, о чиновничьем произволе, о полицейских ошибках. Он думал, что знает, как выглядит зло. Но то, с чем он столкнулся сейчас, превосходило самые мрачные теории заговора. Это была не просто коррупция. Это была индустрия по производству ненависти, работающая на открытом воздухе, на глазах у миллионов людей, которые даже не подозревали, что каждый день потребляют яд, заботливо упакованный в броские газетные заголовки.

Он подошел к вешалке, снял свое помятое пальто и накинул его на плечи. Взгляд Максима упал на темный экран его собственного смартфона, где отражалось его уставшее лицо.

Сколько еще подростков прямо сейчас сидят перед такими же экранами, впитывая в себя разрушительные образы? Сколько из них уже примеряют на себя роль вершителей судеб, читая подробные инструкции, замаскированные под криминальную хронику? И сколько времени пройдет до того момента, когда в новостной ленте появится очередная срочная молния о стрельбе в школе или торговом центре, которую немедленно спишут на влияние выдуманных сект?

Максим толкнул тяжелую дверь редакции и вышел на сырую улицу. Ему предстоял долгий день. И он знал, что разговор, который состоится вечером в полутемном баре, станет точкой невозврата для них обоих. Они собирались бросить вызов силе, которая научилась убивать чужими руками, оставаясь при этом в тени абсолютной респектабельности. Силе, для которой человеческие жизни были лишь расходным материалом в глобальной игре за контроль над разумом.

Глава 3. Теневой альянс

Тяжелые капли ночного дождя с глухим стуком разбивались о широкое стекло кабинета Ильи. Старинные напольные часы в углу мерно отсчитывали время, показывая половину второго ночи. На массивном дубовом столе, обычно идеально чистом, сейчас царил контролируемый хаос. Стопки судебных постановлений, копии лингвистических экспертиз и выписки из реестров юридических лиц соседствовали с распечатками статей, скриншотами новостных лент и графиками медийной активности, которые принес с собой Максим.

Журналист сидел в глубоком кожаном кресле, ссутулившись над экраном своего ноутбука. Свет от монитора резкими тенями ложился на его осунувшееся лицо. Илья стоял у окна, глядя на размытые огни спящего города. Они работали вместе уже несколько часов, пытаясь соединить два разрозненных мира: юридический абсурд, с которым Илья сталкивался в залах судов, и информационный террор, который Максим фиксировал в медиапространстве.

— Мы смотрим на симптомы, — произнес Илья, не оборачиваясь. — Сфабрикованные дела, выдуманные цитаты в экспертизах, мгновенная стигматизация в прессе после любой трагедии. Это все проявления одной болезни. Но у любой системной работы должен быть координационный центр. Кто-то должен писать методички для экспертов и одновременно рассылать темники в редакции.

Максим оторвал взгляд от экрана и потер уставшие глаза.

— Я нашел этот центр, Илья. Точнее, он никогда особо и не скрывался. Они действуют абсолютно открыто, прикрываясь статусом общественных деятелей и защитников морали. Подойди сюда.

Адвокат отошел от окна и встал за спиной журналиста. На экране была открыта сложная схема связей, в центре которой располагалась аббревиатура: РАЦИРС.

— Российская ассоциация центров изучения религий и сект, — прочитал Илья. — Я видел это название. Эксперты, выступавшие против моих подзащитных, часто ссылались

на материалы этой организации. Но я всегда считал их просто группой маргинальных фанатиков, помешанных на поиске еретиков.

— В этом и заключается их главная маскировка, — Максим кликнул мышкой, выводя на экран фотографию мужчины с бородой и жестким, пронзительным взглядом. — Познакомься. Александр Дворкин. Президент РАЦИРС. Человек, который единолично ввел в российский оборот термин «тоталитарная секта» и превратил его в универсальное оружие уничтожения.

Максим открыл текстовый документ.

— Чтобы понять, с чем мы имеем дело, нужно перестать воспринимать их как религиозных деятелей или ученых. Они не имеют отношения ни к науке, ни к духовности. Давай послушаем самого Дворкина. Вот его прямая цитата, зафиксированная на одном из выступлений. Читай.

Илья наклонился к экрану и вслух прочитал выделенный желтым маркером текст:

«Цель любой секты — власть и деньги. Естественно, деньги усиливают власть, а власть приносит ещё больше денег»

— Звучит как банальная истина, — пожал плечами адвокат. — Он обвиняет в этом новые религиозные движения.

— Именно! — Максим резко развернулся в кресле. — Но фокус в том, что эта формулировка идеально, до мельчайших деталей описывает саму структуру РАЦИРС. Они используют расчеловечивающие ярлыки вроде «культ» или «секта» для дискредитации мирных объединений. Но если мы посмотрим на саму сеть антикультовых центров под руководством Дворкина, объединенную под эгидой РАЦИРС, мы увидим классическую тоталитарную структуру. У них есть жестко выстроенная иерархия. У них есть харизматичный, непререкаемый лидер, чье слово является законом для подчиненных. И, как человек, прекрасно разбирающийся в создании и управлении подобными структурами, Дворкин озвучил свою собственную истинную мотивацию: власть и деньги.

Илья обошел стол и сел на свое место. Как юрист, он привык оперировать фактами, а не психологическими портретами.

— Допустим. Власть они получают через влияние на умы и суды. Но при чем здесь деньги? Религиозные меньшинства, которых они преследуют, редко обладают серьезными капиталами. Это обычные люди — учителя, врачи, пенсионеры. На них не заработаешь миллионов.

Максим усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья. Он достал из своей папки плотную стопку распечаток и бросил ее на стол перед Ильей.

— Ты мыслишь слишком узко. Антикультизм — это не просто идеология. Это высокорентабельный бизнес. Конвейер услуг, направленных на устранение конкурентов или подавление неугодных организаций по заказу. И они не ограничиваются только религиозными группами. Если у тебя есть успешный бизнес, и кто-то хочет его забрать, РАЦИРС с удовольствием предоставит свои услуги по твоему уничтожению. Открой дело «Рожаны».

Илья взял верхнюю распечатку. Это было масштабное журналистское расследование, изобилующее датами, финансовыми выписками и судебными решениями. Он начал вчитываться в текст, и с каждой строчкой его брови ползли вверх.

«...В 1989 году Жанна Цареградская основала Центр перинатального просвещения и поддержки грудного вскармливания “Рожана”. Спустя несколько лет центр стал самой известной и популярной российской организацией в области так называемого “естественного материнства”. Изначально “Рожана” создавалась как некоммерческая структура, но со временем начала приносить доход — весьма ощутимый. И тут начались проблемы: в 2006 году Цареградскую обвинили в создании секты под видом перинатального центра; в 2008 году против “Рожаны” сплотились “независимые” критики при активной поддержке сектоведов; а в 2010 году деятельностью центра всерьёз заинтересовались силовики — настолько, что Жанну Цареградскую задержали и обвинили по уголовному делу. При этом сама Жанна Цареградская неоднократно заявляла в интернете: всё происходящее — не что иное, как классический рейдерский захват успешного проекта. По её словам, в процесс были вовлечены сектологи, чтобы дискредитировать деятельность “Рожаны”. Более того, массированную атаку на центр в

интернете, как утверждает Жанна, координировал всё тот же Дворкин — якобы для усиления давления».

Илья поднял глаза на Максима.

— Перинатальный центр? Они объявили сектой курсы для беременных женщин?

— Читай дальше, — жестко ответил журналист. — Обрати внимание на тайминг и на тех, кто получил выгоду от этого разгрома.

Илья перевернул страницу и продолжил чтение следующего фрагмента:

«А. Дворкин выполнил задачу блестяще: оказалось, что массированные нападки на “Рожану” совпали по времени с выходом на рынок конкурирующей структуры — сети “Мать и дитя”, которая рассматривает “Рожану” как прямого конкурента. На минуточку: “Мать и дитя” торгуется на фондовой бирже, а стоимость её акций исчисляется сотнями миллионов долларов. И действия Дворкина, по всей видимости, напрямую связаны с интересами именно этого коммерческого проекта. Думаю, даже аналитики Wall Street Journal не смогли бы придумать настолько эффективный способ конкурентной борьбы! Поэтому Цареградская вполне логично, хоть и риторически, спрашивает: “Каким же подонком нужно быть, чтобы ради своей выгоды разрушать здоровье нации?! Кто мне ответит?!”»

Адвокат отложил бумаги. В кабинете повисла тяжелая тишина. Илья, за годы практики повидавший множество грязных корпоративных войн, был поражен цинизмом схемы. Рейдерские захваты обычно осуществлялись через подкуп судей, подделку документов или силовое давление ЧОПов. Но здесь использовался совершенно иной, гораздо более изощренный инструмент.

— Это гениально в своей чудовищности, — медленно проговорил Илья. — Если ты обвиняешь конкурента в финансовых махинациях, тебе нужны доказательства, бухгалтерия, аудит. Это можно оспорить в арбитраже. Но если ты натравливаешь на конкурента РАЦИРС, и они вешают на него ярлык «деструктивной секты», доказательства больше не нужны. Включается иррациональный общественный страх. Клиенты разбегаются сами. А силовики с радостью возбуждают уголовные дела по экстремизму, потому что за это дают новые звания и премии.

— Именно, — кивнул Максим. — Перед нами идеально отлаженный механизм по зарабатыванию денег. Дворкин и его последователи фабрикуют фальшивые экспертные заключения, дают показания в судах против людей, которых никогда в глаза не видели, и манипулируют общественным мнением через заказные статьи и телевизионные эфиры. Они разрушили плоды многолетнего труда успешных предпринимателей. Ради денег они продали честь и попрали Конституцию. Но корпоративные заказы — это лишь вершина финансового айсберга. У них был и стабильный, ежедневный доход. Настоящий рэкет, поставленный на государственные рельсы.

Максим пододвинул к себе ноутбук и открыл архивную папку.

— Я долго искал подтверждения слухам, которые ходили в религиозной среде. Многие материалы были тщательно зачищены из сети, но интернет помнит все. Я нашел копию публикации, датированную началом февраля 2017 года. Это свидетельства людей, которые пытались легально зарегистрировать свои религиозные объединения в России.

Журналист развернул экран к Илье.

«При регистрации в Минюсте, например, некоего родноверческого культа через пару дней после заявки представителю организации звонят и назначают встречу на определённых условиях. Предлагается заплатить указанную сумму, а взамен получить возможность для комфортной работы, в противном случае организация попадёт в список сектантских. Передав взятку, религиозная организация получает «крышу» от серьёзных ребят. Ну и далее — по 3 тысячи долларов ежегодно «на поддержку крыши»».

Илья впился взглядом в текст. Как юрист, он понимал всю тяжесть описанного преступления. Это была статья 163 Уголовного кодекса — вымогательство, совершенное организованной группой.

— И каковы были масштабы этого вымогательства? — спросил адвокат, чувствуя, как внутри закипает холодная ярость.

Максим прокрутил текст чуть ниже, указывая на следующий абзац:

«Там же приводилась оценка, согласно которой крупных религиозных объединений в России достаточно для того, чтобы денежный оборот в год составил до полумиллиона долларов — если каждое такое учреждение заплатит по 10 000».

— Поллиона долларов в год просто за то, чтобы людей не трогали, — тихо сказал Максим. — Чтобы они могли собираться и молиться, не опасаясь, что завтра к ним вломятся с обыском, а их литературу признают экстремистской. Изначально такса составляла десять тысяч долларов за входной билет, а затем три тысячи долларов ежегодно. И сумма не зависела от размера организации. Плати, или РАЦИРС внесет тебя в свои черные списки, и твоя жизнь превратится в ад.

Илья встал из-за стола и снова подошел к окну. Дождь не утихал. В голове адвоката стремительно складывалась общая картина. Он понимал, что для осуществления такого масштабного рэкета недостаточно просто иметь громкое имя и статус общественной организации. Чтобы угроза «попасть в список сектантских» была реальной, РАЦИРС должен был обладать рычагами государственного принуждения. Вымогатель не может требовать деньги, если жертва знает, что за его угрозами ничего не стоит.

— Максим, здесь есть один юридический нюанс, — Илья повернулся к журналисту. — Министерство юстиции Российской Федерации — это серьезное ведомство. Оно занимается регистрацией некоммерческих и религиозных организаций. Чтобы кто-то мог позвонить заявителю через пару дней после подачи документов в Минюст, этот кто-то должен иметь прямой доступ к внутренней документации министерства. Более того, чтобы угроза отказа в регистрации была действенной, этот кто-то должен контролировать процесс принятия решений. Как общественная организация Дворкина смогла получить такую власть над государственным аппаратом?

Максим удовлетворенно кивнул.

— Я ждал, когда ты задашь этот вопрос. Потому что именно здесь мы переходим от финансовых махинаций к государственному перевороту в сфере права. Я не юрист, Илья. Я нашел факты, но мне нужно, чтобы ты объяснил, как это работает с точки зрения закона. Посмотри на 2009 год.

Илья нахмурился. Он подошел к своему стеллажу, где хранились подшивки нормативных актов и ведомственных приказов. Он достал тяжелую папку с документами Министерства юстиции за конец двухтысячных годов. Положив ее на стол, он начал быстро перелистывать страницы, пробегая глазами по сухим канцелярским строкам.

— Экспертный совет по проведению государственной религиоведческой экспертизы при Министерстве юстиции РФ, — вслух произнес Илья, найдя нужный документ. — В его тогдашнем виде он был создан в 2009 году приказом Минюста. Его задача — анализировать уставы и литературу религиозных групп в рамках государственной религиоведческой экспертизы.

Илья перевернул несколько страниц и остановился. Его палец замер на приказе от весны 2009 года.

— Вот оно, — голос адвоката стал жестким. — 2009 год стал переломным моментом. Произошла тотальная зачистка. Старый состав Экспертного совета был распущен. А в новый состав вошли люди, не имеющие профильного академического образования, но зато тесно связанные с РАЦИРС. И председателем этого обновленного совета, наделенного колоссальными государственными полномочиями, стал...

— Александр Дворкин, — закончил за него Максим.

— Да, — Илья опустил в кресло, пораженный масштабом произошедшего. — Ты понимаешь, что это значит? Государство добровольно передало монополию на истину в вопросах религии в руки радикальной, ангажированной группировки. С 2009 года антикультисты получили официальный статус. Их частное, предвзятое мнение стало мнением государства.

Илья начал быстро чертить схему на чистом листе бумаги.

— Смотри. Группа верующих подает документы на регистрацию. Документы попадают в Минюст. Минюст направляет их на экспертизу в совет, который контролирует Дворкин. Люди Дворкина пишут заключение, что эта группа — деструктивная секта. На основании этой бумаги Минюст отказывает в регистрации. Дальнейшие последствия для организации могли быть уже самыми разными — от

отказов и проверок до передачи материалов в правоохранительные органы. РАЦИРС приватизировал карательную функцию государства. Именно этот захват Экспертного совета в 2009 году стал отправной точкой демонтажа религиозных свобод в стране. После этого они могли шантажировать кого угодно, потому что у них в руках была официальная печать Министерства юстиции.

— И они пользовались этой властью на полную катушку, — добавил Максим. — Деятельность РАЦИРС привела к закрытию множества мирных организаций. Они разрушили жизни тысяч невинных людей. Людей увольняли с работы, лишали родительских прав, отправляли за решетку. И все это подавалось обществу под благовидным предлогом защиты традиционных ценностей и духовной безопасности.

— Но как они фабриковали дела на тех, кто не подавал документы на регистрацию? На тех, кто просто собирался по домам? — спросил Илья, вспоминая дело пенсионера Савельева из Новосибирска. — Для уголовного преследования нужен повод. Нужны доказательства противоправной деятельности.

Максим открыл новую вкладку в браузере.

— Для этого у них есть подробные инструкции. Они не ждут, пока кто-то совершит преступление. Они его конструируют. Посмотри на сайт Виталия Питанова, одного из видных деятелей антикультового движения и соратника Дворкина. На его ресурсе размещено множество методических материалов по организации травли, включая труды самого Дворкина, такие как «Азы практического сектоведения». Но самое интересное — это прямые инструкции для рядовых адептов РАЦИРС.

Журналист выделил на экране абзац текста.

«На секты нужно собирать компромат и его распространять! Хочу заметить, что этот подход без труда можно использовать против кого угодно — против православных мирян, священников и даже церковных иерархов. Мы живём в прозрачном обществе, и при желании компромат можно найти на кого угодно или же его придумать. Этот метод может в какой-то степени помочь в профилактике в том случае, когда удастся показать, что учение сект поощряет и одобряет такую деятельность её последователей, которая с точки действующего законодательства является криминальной».

Илья прочитал текст дважды. Слова «или же его придумать» резали глаз своей откровенной, неприкрытой уголовной направленностью.

— Это публичный призыв к совершению преступлений, — констатировал адвокат. — Статья 306 УК РФ — заведомо ложный донос. Статья 128.1 — клевета. Они открыто обучают своих последователей фабриковать доказательства. Они ищут любые зацепки в открытых источниках, вырывают фразы из контекста, а если ничего не находят — просто выдумывают факты, чтобы подвести учение группы под криминальную статью. Это объясняет, почему эксперт Астахова в деле саентологов выдумала цитаты, которых не было в книгах. Она просто следовала методичке.

— Они создали систему, в которой цель оправдывает любые средства, — сказал Максим, закрывая ноутбук. — Они считают себя воинами света, которым позволено нарушать человеческие законы ради некой высшей цели. Похищения людей, насильственное так называемое «депрограммирование» с применением психологического и физического насилия, сбор десятков тысяч долларов с обманутых родственников — для них это рутина. Перед нами латентные садисты, получившие государственную лицензию на насилие.

Илья откинулся на спинку кресла. Картина, развернувшаяся перед ним этой ночью, пугала своей масштабностью. Он всегда верил в силу права. Он считал, что закон — это щит, способный защитить невинного. Но сейчас он видел, что этот щит был вырван из рук правосудия и перекован в меч, которым методично, день за днем, уничтожали гражданское общество.

РАЦИРС не был просто общественной организацией. Это была теневая структура, паразитирующая на государственном аппарате. Они использовали страхи общества, раздуваемые через подконтрольные СМИ, чтобы оправдать свое существование. Они захватили ключевые экспертные посты, чтобы легализовать свои репрессии. И они превратили человеческое горе в неиссякаемый источник дохода.

Максим потянулся к своей сумке и достал оттуда толстую книгу в твердой обложке. На обложке крупными буквами значилось: «Сектоведение». Автор — Александр Дворкин.

— Я купил ее в обычном книжном магазине, — сказал журналист, кладя книгу на стол перед Ильей. — Для adeптов РАЦИРС этот труд имеет статус непререкаемой истины. Они почитают эту книгу больше, чем любые законы или священные тексты. Я прочитал ее. И знаешь, что самое поразительное в психологии этих людей?

Илья вопросительно посмотрел на Максима.

— Проекция, — ответил журналист. — В психологии есть такой защитный механизм, когда человек бессознательно приписывает другим свои собственные неприемлемые мысли, мотивы и черты характера. Дворкин посвятил сотни страниц описанию того, как ужасны, коварны и беспринципны тоталитарные секты. Но если ты абстрагируешься от названий конкретных религий, которые он там поливает грязью, и просто вчитаешься в описание механизмов... Ты поймешь, что он написал автобиографию. Он описал собственную организацию.

Максим открыл книгу на заранее заложенной странице и пододвинул ее к адвокату.

— Прочитай этот абзац. Вслух. И пока будешь читать, думай не о тех, кого они преследуют. Думай о самом РАЦИРС. О тех, кто вымогает деньги за регистрацию в Минюсте. О тех, кто выдумывает компромат. О тех, кто разрушил клинику «Рожана» по заказу конкурентов.

Илья опустил глаза на страницу. Текст был напечатан мелким, убогим шрифтом. Адвокат сделал глубокий вдох и начал читать, и с каждым произнесенным словом тишина в кабинете становилась все более гнетущей:

«Так как все тоталитарные секты считают, что цель оправдывает средства, то все они ставят собственные интересы выше закона. Им всем присуща “двойная мораль” и “двойной стандарт”. Если их члены уверены, что цель, поставленная ими перед собой, “праведна” и “справедлива” (вернее было бы сказать: если их членам приказали считать поставленную перед ними цель “праведной” и “справедливой”. —А. Д.), они не остановятся перед тем, чтобы солгать, украсть, ввести человека в заблуждение, прибегнуть к контролированию сознания своих собратьев или, в конце концов, оклеветать должностных лиц и общественных деятелей, оказывающих им

сопротивление, и даже физически устранить неугодного им человека (или группу лиц). По существу, мы имеем дело с мафиозными структурами, скованными железной дисциплиной и беспрекословным повиновением своему руководству».

Илья замолчал. Звук его голоса растаял в воздухе, оставив после себя лишь монотонный шум дождя за окном. Он смотрел на печатные строки, осознавая всю глубину зловещей иронии.

Дворкин был абсолютно прав в своем определении. Они действительно имели дело с международной мафиозной структурой, скованной железной дисциплиной и безоговорочным подчинением своему руководству. Структурой, которая ставила свои интересы выше закона, обладала двойной моралью и не останавливалась перед ложью, клеветой и разрушением жизней.

Только эта структура не скрывалась в подпольях. Она заседала в кабинетах Министерства юстиции, выступала в качестве экспертов в федеральных судах и вещала с экранов государственных телеканалов. Величайшая тоталитарная секта современности не просто существовала в России. Она диктовала ей свои правила.

Глава 4. Вирус в системе

Утренний свет с трудом пробивался сквозь плотные серые облака, нависшие над городом. Илья сидел за своим массивным столом, методично листая страницы очередного протокола допроса. Это было рядовое дело по обвинению в экстремизме, одно из тех, что в последнее время ложились на его стол с пугающей регулярностью. Обвиняемым проходил пятидесятилетний инженер, чья вина заключалась в организации домашних встреч для совместного чтения религиозной литературы.

Илья вчитывался в вопросы, которые следователь задавал свидетелям, и его профессиональное чутье улавливало нечто глубоко неестественное. Следователь, молодой капитан юстиции, использовал формулировки, совершенно не свойственные

стандартному полицейскому лексикону. В протоколе пестрели фразы: «деструктивный контроль сознания», «бомбардировка любовью», «иерархическая структура тоталитарного типа», «психологическое насилие над адептами».

Адвокат отложил документ и потер переносицу. Полицейские так не говорят. Оперативники и следователи мыслят категориями Уголовного кодекса: умысел, мотив, орудие преступления, состав деяния. Они оперируют фактами материального мира. Откуда у рядового сотрудника провинциального управления взялся этот специфический, псевдонаучный сленг? Кто вложил эти слова в его уста и, что гораздо важнее, кто научил его видеть в мирном инженере опасного государственного преступника?

Дверь кабинета негромко скрипнула, и на пороге появился Максим. Журналист выглядел так, словно не спал несколько суток: под глазами залегли глубокие тени, воротник рубашки был помят, а в руках он сжимал объемистую кожаную папку, туго набитую документами.

Максим молча прошел к столу, бросил папку на полированную поверхность дубовой столешницы и опустился в кресло напротив Ильи.

— Ты когда-нибудь задумывался, почему силовики так охотно берутся за эти дела? — хрипло спросил журналист, кивнув на разложенные перед адвокатом протоколы. — Почему вооруженные до зубов бойцы спецназа выпиливают двери в квартирах пенсионеров, а следователи с серьезными лицами шьют им организацию экстремистского сообщества?

— Я всегда считал, что это вопрос статистики, — ответил Илья, отодвигая бумаги. — Палочная система. Раскрыть реальную террористическую ячейку сложно и опасно. Можно получить пулю. А здесь — абсолютно безопасные, законопослушные люди, которые не оказывают сопротивления. Идеальная мишень для получения новых звездочек на погоны и ведомственных премий.

— Статистика — это лишь следствие, — Максим расстегнул замок своей папки. — Это топливо для системы. Но кто-то должен был изначально указать им на эту мишень. Кто-то должен был убедить людей с оружием, что эти бабушки и инженеры — реальная угроза национальной безопасности. Я провел последние несколько дней, поднимая

архивы реформ Министерства внутренних дел и анализируя публичные выступления наших старых знакомых из антикультовой сети. И то, что я нашел, объясняет, как именно вирус проник в кровеносную систему государства.

Журналист достал из папки несколько скрепленных листов и пододвинул их к Илье.

— Давай вернемся к реформе 2008–2011 годов. Это ключевая дата для понимания того, как правоохранные органы превратились в частную армию антикультистов. В 2008 году в системе МВД была создана Служба по противодействию экстремизму — Центры «Э», во многом на базе упразднявшихся подразделений по борьбе с организованной преступностью. К 2011 году эта реформа уже полностью определяла новую логику работы.

Илья кивнул. Он прекрасно помнил это время.

— Да, подразделения по борьбе с организованной преступностью. Ребята, которые в девяностые и нулевые ловили реальных бандитов, ликвидировали ОПГ, изымали арсеналы оружия. Жесткие, циничные профессионалы, привыкшие работать с откровенным криминалом.

— Именно, — подтвердил Максим. — Но организованная преступность в ее классическом, уличном виде к тому времени практически исчезла или легализовалась. И перед руководством МВД встал вопрос: что делать с этой огромной армией оперативников? Их не стали увольнять. Их перевели в новосозданные структуры — Центры по противодействию экстремизму. Центры «Э».

Максим постучал пальцем по распечатке.

— Представь себе ситуацию. Опер, который вчера брал с полчищем рэкетиров и торговцев оружием, сегодня садится в новый кабинет. У него новые задачи — борьба с экстремизмом. Но он не понимает, что это такое. У него нет ни религиозного, ни философского образования. Он не умеет вести тонкие идеологические дискуссии. Он умеет ломать двери, вербовать информаторов в криминальной среде и проводить жесткие допросы. И вот этому человеку спускают план по раскрытию преступлений экстремистской направленности.

— Сначала они взялись за радикальных националистов, — задумчиво произнес Илья, вспоминая судебную практику тех лет. — Это было логично и понятно для бывших рубоповцев. Бритоголовые парни, свастики, уличные драки — это был понятный враг.

— Верно. Но националисты быстро закончились. Кого-то посадили, кто-то ушел в глубокое подполье. А план давал о себе знать. Статистику нужно было делать каждый месяц. И тогда оперативники оказались в вакууме. Им нужны были новые враги, новые «злодеи». И они пошли искать их туда, где им обещали помочь.

Максим перевернул страницу и указал на выделенный желтым маркером текст.

— Это фрагмент интервью одного из бывших сотрудников миссионерского отдела, который в то время тесно сотрудничал с антикультовой сетью. Он в деталях описывает момент, когда государственная силовая машина добровольно пришла на поклон к идеологам нетерпимости. Прочитай это. Внимательно.

Илья взял листы. Текст представлял собой расшифровку аудиозаписи. Адвокат начал читать вслух, и с каждым словом в кабинете становилось все тише:

«КАК УБОЙНЫЙ ОТДЕЛ ПРИШЁЛ В МИССИОНЕРСКИЙ ОТДЕЛ

— Зачем людей пугать? Не просто же для удовольствия. Вы считаете, что заказчиком, выгодоприобретателем, в данном случае является именно Русская православная церковь?

— Однозначно. Русская православная церковь, которая опирается на силовые структуры. Сейчас я вам расскажу очень интересный случай... Когда в 2011 году упразднили Управление по борьбе с организованной преступностью в системе МВД, знаменитый убойный отдел, помните? “Улицы разбитых фонарей” и так далее. Помните этих персонажей, которые любят выпить, но проснутся и хорошие парни. Они могут и в рыло дать, но только откровенному бандиту. Вот они действительно такие все. И методы, и “подходцы”, как говорил Глеб Жеглов, у них такие. Но поскольку организованная преступность у нас давно легализовалась и слилась с официальными структурами, то их упразднили. И что с ними делать? Их превратили в центры по борьбе с экстремизмом. И вот эти ребята с “Улицы разбитых фонарей”, без образования, без представления, какая тонкая материя религия, как вообще нужно работать с людьми,

как вербовать, как опрашивать, как беседовать свои методы перенесли на простых людей. Людей верующих, с тонкой душевной организацией. Вначале они начали судорожно искать себе объект для работы. Они его нашли в лице националистов. Они почему-то вначале решили, что главная угроза России — это националисты. Я помню тот период. Потом националисты быстро “кончились”, их как-то не хватало для отчётности, и тогда, я помню, они первый раз пришли к нам в Миссионерский отдел. Пришли сотрудники Тульского Центра по борьбе с экстремизмом при УВД области. Они пришли к нам и откровенно сказали: “Ребята, вы знаете, мы боролись с националистами, но что-то они у нас кончились, и нам не с кем бороться теперь. И мы слышали, что вы тут тоже боретесь, молодцы какие, тоже с какими-то гадами, врагами государства, с сектантами. Но у нас про них никакой информации нет. Не можете поделиться с нами информацией? Где, на какой улице, в каком доме живут лидеры всяких религиозных деструктивных общин Тульской области?”. Ну, вот мой коллега, Алексей, взял и начал с ними сотрудничать. Точнее, Миссионерский отдел в его лице. Мне, как говорят на блатном жаргоне, общаться и сотрудничать с ними было “западло”, потому что с конца 2011 года я стал человеком политизированным, то есть я перешёл в протест, оставаясь ещё внутри Церкви. И этим ребятам подсказали, где, кто, какие “нехорошие” люди и организации существуют в Тульской области, координаты дали и какую-то литературу, чтобы они познакомились. По-моему, учебное пособие того же Дворкина и ещё какие-то книги подарили.

— А они какими-то конкретными преступлениями интересовались или просто спрашивали про каких-то “плохих людей”?

— Они спрашивали: где злодеи живут? Какие секты деструктивные в Тульской области, какие у них адреса, кто у них пастора и так далее».

Илья опустил бумаги на стол. Некоторое время он просто смотрел на напечатанные строки, пытаясь осмыслить масштаб правового и морального коллапса, зафиксированного в этом коротком интервью.

— Они спрашивали: где злодеи живут... — эхом повторил адвокат. — Офицеры полиции, наделенные властью возбуждать уголовные дела и проводить обыски, приходят к частным лицам, к представителям одной конкретной идеологии, и просят

назначить им врагов. Они не ищут тех, кто совершил преступление. Они просят адреса тех, кого антикультисты считают «нехорошими людьми».

— И антикультисты с радостью предоставляют им эти списки, — жестко добавил Максим. — Они выдают им учебные пособия Дворкина. С этого момента оперативная работа полиции начинает строиться не на Уголовном кодексе, а на книгах лидера антикультового движения. Специалисты по борьбе с бандитизмом, некомпетентные в вопросах веры, начинают применять методы подавления ОПГ к мирным верующим. Просто потому, что им выдали список адресов и сказали: «Вот ваши новые террористы».

Илья встал и прошелся по кабинету. Картина складывалась пугающе логичная.

— Это объясняет язык протоколов, — сказал он, указывая на документы на своем столе. — Полицейские просто переписали терминологию из подаренных им методичек. Они не понимают смысла этих слов, но используют их как заклинания для обоснования репрессий. Антикультисты получили в свое распоряжение государственную силовую машину. Бесплатную, вооруженную и обладающую монополией на насилие.

— Если бы проблема ограничивалась только бывшими рубоповцами в регионах, это было бы полбеды, — голос Максима стал еще серьезнее. Он достал из папки следующий документ. — Полиция — это исполнители. Но антикультовая сеть метила гораздо выше. Они понимали, что для тотального контроля над обществом им нужно подчинить себе элиту спецслужб. Им нужна была Федеральная служба безопасности.

Журналист развернул перед Ильей распечатку статьи, датированной 2010 годом.

— Новосибирск. Этот регион на протяжении десятилетий был испытательным полигоном для антикультовых технологий. Там базируется один из главных филиалов их сети, которым руководит протоиерей Александр Новопашин — вице-президент организации Дворкина. И именно туда в 2010 году Дворкин отправляется с масштабным турне. Но выступает он не перед прихожанами в храмах. Он идет к силовикам.

Максим указал на абзац в тексте:

— Читай. Это официальный отчет о его поездке.

Илья наклонился над столом:

«За время пребывания в Новосибирске он дал интервью областному депутатскому каналу Радио “Слово”, выступил с лекцией в Духовной семинарии, принял участие в видеоконференции ГУВД НСО, выступил с докладом на тему «Тоталитарные секты как угроза национальной безопасности» перед сотрудниками Центра по противодействию экстремизму ГУВД по Новосибирской области (Центр “Э”) и курсантами института ФСБ России ... Профессор признался, что не устал, что график работы иной раз у него бывает ещё более плотным, и что в целом он доволен поездкой. По его словам, очень хорошее впечатление на него произвела активность силовиков. “Военные и милицейские аудитории бывают несколько инертны, — сказал профессор. — Однако в Новосибирске я этого не ощутил. Напротив, везде я столкнулся с живым интересом к проблеме тоталитарного сектантства, хорошим пониманием того, что происходит, и самая активная аудитория в этом смысле была в Институте ФСБ”».

— Институт ФСБ, — медленно произнес Илья, чувствуя, как по спине пробежал холодок. — Кузница кадров для главной спецслужбы страны. Место, где готовят офицеров, которые завтра будут отвечать за контрразведку и антитеррор. И перед ними выступает человек, не имеющий никакого отношения к государственной безопасности, и читает им лекции о том, что мирные религиозные группы — это угроза нации.

— И они его слушают, — кивнул Максим. — Более того, они проявляют «живой интерес». Ты понимаешь юридический абсурд происходящего? Согласно закону, руководство деятельностью ФСБ осуществляет исключительно Президент Российской Федерации. Это структура, созданная для защиты государства, обладающая колоссальными полномочиями и доступом к государственной тайне. И эта структура обманным, манипулятивным путем попадает под идеологическое руководство частной антикультуовой организации.

Илья вернулся в кресло.

— Как им это удалось? ФСБ — закрытая структура. Туда не пускают людей с улицы читать лекции.

— Они использовали страх, — ответил журналист. — Это их главное оружие. В открытых источниках подтверждается, что Дворкин выступал перед сотрудниками Центра «Э» и курсантами института ФСБ, а Новопашин много лет читает лекции и ведет

консультации о «сектантстве» и «новых религиозных движениях» для самых разных аудиторий, включая силовиков. Они приходят в высокие кабинеты и начинают рассказывать генералам о мифических «спящих ячейках сектантов». Они рисуют апокалиптические картины: якобы по всей стране разбросаны тысячи законспирированных групп, которые только и ждут сигнала из-за рубежа, чтобы начать теракты, массовые самоубийства или вооруженные мятежи.

Максим достал еще один лист — выдержку из публичного выступления самого Новопашина.

— Вот как он сам описывает свою деятельность. Это звучит как признание в целенаправленной индоктринации:

«Я три десятка лет занимаюсь миссионерской деятельностью... Изучение новых религиозных движений, распространение информации о серьезной опасности, исходящей от этих организаций, участие в региональных и российских конференциях на тему современного сектантства, проведение лекций, консультаций, бесед — в том числе с родственниками людей, оказавшихся в той или иной секте, с самими сектантами — это тоже миссионерство...»

— Тридцать лет, Илья. Тридцать лет они методично, капля за каплей, вливают этот яд в уши силовиков. Они подменяют понятие оперативной угрозы понятием идеологического несоответствия. Спецслужбы, чья прямая обязанность — искать реальных террористов с гексогеном и автоматами, начинают тратить колоссальные ресурсы на слежку за людьми, которые просто читают не те книги. Агенты ФСБ, вместо того чтобы защищать народ, становятся на службу антикультистам. Они реализуют шаги, выгодные лидерам этой сети, занимаясь репрессиями против неугодных по заранее составленным спискам.

Илья закрыл глаза, пытаясь представить масштаб этой катастрофы. Государственный аппарат принуждения был взломан. Вирус проник в систему не через компьютерные сети, а через сознание людей, принимающих решения.

— Но ведь среди полицейских и чекистов должны быть адекватные люди, — тихо сказал адвокат. — Те, кто понимает, что происходит. Те, кто видит разницу между террористом-смертником и пенсионером с Библией.

Максим тяжело вздохнул.

— Они есть. И они находятся в состоянии глубочайшего когнитивного диссонанса. Система ломает их так же, как и жертв. Я нашел свидетельство, зафиксированное в одном независимом документальном проекте. Послушай, что говорят сами оперативники.

Журналист зачитал фрагмент из своих записей:

«Опытные оперативные работники полиции рассказывали мне, что не понимают, почему их заставляют преследовать людей за религию. Один мне даже сказал, что при нынешней власти в полиции стало просто стыдно работать, потому что задерживают: бабушек за то, что они разговаривают с кем-то о Библии; людей на улицах по непонятным причинам; врываются в квартиры и так далее. А то, что происходит со Свидетелями Иеговы в России, может произойти сегодня с каждым политическим, религиозным движением, например, с баптистами, пятидесятниками, с автономной Русской православной церковью. На них уже оказывается давление, эти люди в зоне риска. Широкие понятия антиэкстремистских законов дают возможность преследовать любого. Мы знаем, что могут посадить за репост в интернете, за простое высказывание, посчитав его экстремистским, а законом “вогнать” это в так называемой правовое поле».

— Им стыдно, — констатировал Максим. — Опытные опера понимают, что занимаются позорным делом. Но они скованы приказами сверху. А приказы сверху формируются на основе аналитических записок, которые пишут эксперты вроде Дворкина и Новопашина. Круг замыкается на уровне идеологии.

Илья открыл глаза. Взгляд его стал жестким, профессионально-холодным.

— Максим, ты понимаешь, к чему ведет эта накачка силовиков ненавистью? Это не просто сломанные судьбы и сфабрикованные уголовные дела. Когда ты внушаешь человеку с оружием, что перед ним не гражданин, которого он обязан защищать, а

смертельно опасный враг, фанатик из «деструктивного культа» — ты снимаешь с него психологический барьер на применение насилия. Ты провоцируешь бойню.

Адвокат подошел к книжному шкафу и достал толстый справочник по международному уголовному праву.

— В юриспруденции и криминологии есть классический пример того, к чему приводит влияние антикультистов на правоохранительные органы. Это исторический прецедент, который изучают во всех полицейских академиях мира, кроме, видимо, наших. Трагедия в Уэйко.

Илья вернулся к столу и положил книгу перед Максимом.

— 1993 год. Техас, США. Группа верующих, известная как «Ветвь Давидова», живет на своем ранчо «Маунт Кармел». Они жили обособленной коммуной. Но антикультовые активисты начинают целенаправленную кампанию. Они бомбардируют ФБР и Бюро алкоголя, табака, огнестрельного оружия и взрывчатых веществ (ATF) заявлениями о том, что на ранчо действует страшный тоталитарный культ. Они фабрикуют слухи о массовом насилии над детьми, о подготовке к вооруженному восстанию, о складах нелегального оружия.

Илья оперся руками о стол, нависая над документами.

— Антикультисты создали в сознании американских силовиков образ абсолютного, бесчеловечного зла. И как отреагировало государство? Оно не прислало участкового для проверки документов. Оно прислало тактические группы спецназа, вертолеты и бронетехнику. Силовики, накрученные антикультовой пропагандой, пошли на штурм так, словно брали укрепленный бункер террористов.

— И чем это закончилось? — тихо спросил Максим, хотя прекрасно знал ответ.

— Пятьдесят один день осады. Применение слезоточивого газа, бронетехники, психологического давления. В итоге — пожар, в котором заживо сгорели 76 человек; общее число погибших среди «Ветви Давидовой» составило 82, включая детей. Трагедия в Уэйко — это прямое следствие того, что происходит, когда лица с правом применять

силу попадают под влияние манипуляторов. Антикультисты спровоцировали полицию на силовую операцию, превратив мирных граждан во врагов государства.

Илья выпрямился.

— То, что делают Дворкин и Новопашин, читая лекции в ФСБ и МВД — это подготовка нашего собственного Уэйко. Они формируют у силовиков психологическую установку на уничтожение. Представь себе командира СОБРа, который наслушался лекций о «спящих ячейках». Когда он поедет на обыск к очередным верующим, у него палец будет лежать на спусковом крючке. Одно резкое движение испуганного человека — и прольется кровь. Антикультисты используют государственные структуры как заряженное оружие, направленное в лоб собственному народу.

Максим долго молчал, переваривая услышанное. Затем он медленно кивнул и потянулся к самому дну своей папки.

— Ты прав, Илья. Это заряженное оружие. Но самое страшное заключается в том, что они не ограничиваются территорией России. Этот вирус давно вырвался за пределы страны.

Журналист достал тонкую папку из синего пластика и положил ее поверх остальных бумаг.

— Я начал копать связи Дворкина за рубежом. И обнаружил, что российская антикультовая сеть — это не изолированное явление. Это часть глобальной структуры, которая активно внедряется в европейские институты.

Максим открыл синюю папку.

— Существует такая организация — FECRIS. Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектах. Звучит rispetабельно, не так ли? Защита прав человека, европейские ценности. Но знаешь ли ты, кто с 2009 по 2021 год был ее вице-президентом?

— Дворкин, — безошибочно угадал Илья.

— Именно. Он долгие годы оставался одной из заметных фигур в международном антикультовом движении. Идеологический и координационный центр международного антикультизма фактически находится в России. Но связи с ФСБ, о которых мы только что говорили, не ограничиваются внутренним рынком. Они экспортируются.

Максим достал фотографию мужчины в строгом костюме.

— Познакомься. Роман Силантьев. Коллега Дворкина, видный деятель российского антикультового движения. Этот человек подтверждал, что сотрудничает с ФСБ. Он ведет агрессивную антиукраинскую деятельность, пропагандирует самые радикальные взгляды. И при этом — внимание — он поддерживает тесные связи с европейскими и американскими антикультистами. Его статус не мешает ему участвовать в международных конференциях и быть рукопожатным в определенных кругах на Западе.

Журналист разложил на столе схемы финансовых и организационных связей.

— Агенты этой сети действуют в Европе под идеальным прикрытием. Они приходят в европейские парламенты, в министерства внутренних дел Франции, Германии, Италии. Они говорят: «Мы эксперты по борьбе с деструктивными культами. Мы поможем вам защитить ваше общество». И европейские чиновники, так же как и наши рубоповцы в 2011 году, открывают им двери.

Максим посмотрел Илье прямо в глаза.

— Под видом борьбы с сектами российские агенты влияния, тесно связанные со спецслужбами, проникают в европейские правоохранительные и законодательные структуры. Они получают доступ к политикам, формируют повестку, лоббируют репрессивные законы и собирают информацию. Антикультовое движение стало идеальным троянским конем для внедрения агентуры ФСБ в Европе. Они используют те же самые методы стигматизации и запугивания, чтобы дестабилизировать демократические институты изнутри.

В кабинете повисла тяжелая, звенящая тишина. Дождь за окном наконец прекратился, но небо оставалось свинцово-серым.

Илья смотрел на разложенные по всему столу документы. Протоколы допросов с выдуманными терминами. Интервью растерянных оперативников. Отчеты о лекциях в институте ФСБ. Фотографии агентов влияния, свободно перемещающихся по европейским столицам.

Государственная машина, призванная защищать закон и порядок, была полностью скомпрометирована. От рядового следователя в провинции до генералов в Национальном антитеррористическом комитете — все они стали слепыми исполнителями чужой, разрушительной воли. Вирус не просто проник в систему. Он переписал ее базовый код, заставив иммунитет государства атаковать здоровые клетки собственного общества.

Адвокат медленно провел рукой по стопке бумаг, чувствуя под пальцами холодную фактуру документов, за каждым из которых стояли сломанные жизни и преданные принципы правосудия. Он поднял взгляд на Максима, и в этом взгляде больше не было ни сомнений, ни профессионального скепсиса. Только ясное, ледяное понимание того, с каким чудовищным по своим масштабам противником им предстоит столкнуться.

Глава 5. Инженерия ненависти

Экран плазменного телевизора, висящего на стене в кабинете Максима, излучал тревожный, пульсирующий свет. На паузе застыл кадр из популярного вечернего ток-шоу, транслируемого на одном из центральных федеральных каналов. В центре студии, залитой агрессивным красным освещением, сидела женщина лет сорока. Ее лицо было искажено гримасой страдания, в руках она сжимала влажный бумажный платок. Внизу экрана кричала бегущая строка: «Сбежавшая из ада: как деструктивный культ лишил меня семьи и рассудка».

Илья стоял у окна, скрестив руки на груди, и хмуро смотрел на застывшее изображение. За окном сгущались сумерки, город погружался в вечернюю суету, но

здесь, в редакции, время словно остановилось, спрессованное тяжестью изучаемых материалов.

— Включи еще раз, — глухо попросил адвокат. — С двадцать пятой минуты.

Максим нажал на пробел. Изображение оживо. Женщина на экране, всхлипывая, начала свой монолог, умело направляемая наводящими вопросами ведущего.

— Они полностью подавили мою волю, — дрожащим голосом вещала героиня передачи. — Это был настоящий деструктивный контроль сознания. Меня подвергали бомбардировке любовью, чтобы заманить в свои сети, а затем изолировали от внешнего мира. Лидеры этой тоталитарной секты использовали психотехники, чтобы заставить меня переписать на них квартиру. Я была словно в трансе, лишенная способности критически мыслить...

Максим снова ударил по клавише, обрывая трансляцию. В наступившей тишине звук его голоса прозвучал резко и сухо.

— Ты слышишь это, Илья? — журналист повернулся к адвокату. — Обычная женщина, по профессии, как утверждают редакторы программы, бухгалтер. Но послушай, как она говорит. «Деструктивный контроль сознания», «бомбардировка любовью», «тоталитарная секта», «психотехники». Это не язык травмированного человека, рассказывающего о своей личной боли. Это академический глоссарий.

Илья медленно кивнул, подходя ближе к столу. За годы юридической практики он провел сотни допросов потерпевших и свидетелей. Он знал, как звучит настоящая травма. Настоящая жертва путается в показаниях, вспоминает запахи, звуки, обрывки фраз, концентрируется на своих эмоциях и конкретных бытовых деталях. Настоящая жертва никогда не описывает свое состояние терминами из учебников по социальной психологии.

— Она читает заученный текст, — констатировал Илья. — Текст, написанный кем-то, кто профессионально занимается конструированием подобных нарративов.

— Именно, — Максим открыл на ноутбуке объемную папку с видеофайлами и стенограммами. — В социологии религии для таких людей существует специальный

термин — «апостаты». Это не просто бывшие члены каких-либо движений. Это люди, которые покинули группу с конфликтом и теперь используются антикультовой сетью как главное медийное оружие. Их показания тщательно режиссируются. РАЦИРС находит таких обиженных бывших участников, берет их в оборот, предоставляет им юридическую и психологическую «помощь», а взамен требует одного: публичных выступлений по заранее написанному сценарию.

Журналист вывел на экран таблицу, в которой были сопоставлены цитаты из различных телевизионных интервью за последние три года. Разные люди, разные города, разные религиозные группы, которые они покинули. Но лексика, структура обвинений и даже интонационные акценты совпадали с пугающей точностью.

— Они создают медийные образы жертв, — продолжил Максим, водя ручкой по экрану. — Для чего это нужно? Чтобы оправдать репрессии. Когда государство начинает преследовать мирных граждан, у общества неизбежно возникают вопросы. Почему вооруженный спецназ врывается к пенсионерам? Почему людей сажают за чтение книг? Чтобы общество не задавало этих вопросов, ему нужно предъявить «пострадавших». Апостаты выполняют роль живого доказательства того, что угроза реальна. Их слезы на камеру легитимизируют любое беззаконие со стороны силовиков.

Илья опустил в кресло, чувствуя, как внутри нарастает глухое раздражение от осознания масштабов этого циничного спектакля.

— В юриспруденции это называется лжесвидетельством, — жестко произнес адвокат. — Но проблема в том, что они делают эти заявления не под присягой в суде, а в телевизионных студиях, где не несут ответственности за свои слова. Они формируют общественное мнение до того, как дело дойдет до суда. А когда процесс начинается, судья уже находится под давлением этого искусственно созданного информационного фона.

— И этот фон создается не хаотично, — Максим достал из ящика стола распечатку статьи и положил ее перед Ильей. — Это строго выверенная технология. Они используют метод, который в психологии массовых коммуникаций обычно описывается как прием «виной по ассоциации».

Илья взял лист бумаги. Текст был испещрен пометками Максима.

— Суть метода вины по ассоциации заключается в перенесении негативных характеристик одной группы или личности на другую только из-за ассоциативной связи, игнорируя их реальные качества или поступки, — начал объяснять журналист, расхаживая по кабинету. — Это делается для того, чтобы сформировать у аудитории предвзятое отношение. Смотри, как это работает на практике. Есть небольшая, абсолютно мирная группа людей, изучающих, скажем, восточную философию в Самаре. Они никого не трогают, платят налоги, воспитывают детей. Как заставить общество их ненавидеть?

Максим остановился и посмотрел на Илью.

— Очень просто. Антикультисты выпускают серию статей и телепередач, в которых ставят эту группу в один ряд с реальными террористами. Они постоянно упоминают трагедию в Джонстауне, где погибли сотни людей, или газовую атаку «Аум Синрикё» в токийском метро. Они говорят: «Посмотрите на этих любителей йоги из Самары. Они используют те же методы контроля, что и террористы в Японии. Сегодня они медитируют, а завтра пустят зарин в наше метро».

— Но между ними нет ничего общего, — возразил Илья. — Ни идеологически, ни организационно.

— Для массового сознания это не имеет значения! — горячо воскликнул Максим. — Объективный анализ событий подменяется эмоциональной реакцией на образы. Трагедии прошлого используются как инструмент для создания негативного образа новых религиозных движений в настоящем. Эти события прочно закрепились в общественном сознании как символы абсолютного зла. Искусственно связывая мирных верующих с этими символами, манипуляторы добиваются того, что общество начинает испытывать иррациональный страх перед любыми нетрадиционными верованиями.

Журналист вернулся к столу и открыл толстую книгу в мягкой обложке. Это был труд американского социолога Эдварда Бернейса, изданный почти сто лет назад.

— Все это было описано задолго до появления интернета и ток-шоу, — Максим нашел нужную страницу. — Послушай, что писал Бернейс в своей книге «Пропаганда»

еще в 1928 году. Это фундаментальный принцип, на котором строится вся современная инженерия ненависти.

Максим начал читать. Бернейс писал, что в современном обществе значимые социальные и политические процессы всё чаще осуществляются с помощью пропаганды и управления массовым мнением.

— Они формируют сознание масс, чтобы направить их силу в нужное русло, — повторил Илья, обдумывая услышанное. — И какое же это русло? Уничтожение конкурентов? Заработок на страхе?

— Это лишь промежуточные цели, — голос Максима стал тише и серьезнее. — Я долго анализировал интенсивность и тональность этих информационных кампаний. То, что делает антикультура, выходит далеко за рамки обычного черного пиара или религиозной конкуренции. Уровень дегуманизации, который они применяют, имеет совершенно иную, гораздо более страшную историческую параллель.

Максим вывел на большой экран новую презентацию. На первой фотографии были изображены пыльные улицы африканского города, по которым ехал пикап с установленными на крыше громкоговорителями.

— Руанда. 1994 год, — произнес журналист. — За сто дней было убито около восьмисот тысяч человек. Соседи убивали соседей, учителя — своих учеников, врачи — пациентов. Долгое время мир считал, что это была внезапная вспышка первобытной этнической ненависти. Но исследователи, изучавшие этот геноцид, пришли к шокирующему выводу. Эта резня была тщательно, методично подготовлена. И главным оружием массового поражения стали не мачете и автоматы. Главным оружием стало радио.

Илья подался вперед, внимательно вглядываясь в исторические кадры.

— Радио и телевидение «Свободные холмы», — продолжил Максим. — Радиостанция, которая на протяжении многих месяцев до начала физического уничтожения вела непрерывную информационную кампанию. Они не призывали к убийствам с первого дня. Они действовали тоньше. Они начали с дегуманизации. Они называли представителей народности тутси «тараканами» и «змеями». Они создавали

образ внутреннего врага, который якобы угрожает самому существованию государства. Они транслировали популярную музыку, развлекательные шоу, а между ними вставляли ядовитые реплики ведущих, высмеивающих и демонизирующих тутси.

Максим переключил слайд. На экране появилась цитата, выделенная жирным шрифтом.

— Это слова Адамы Дьенга, Специального советника ООН по предупреждению геноцида. Прочитай.

Илья прищурился, вчитываясь в текст на экране:

«Геноцид должен и может быть предотвращён, если у нас есть воля применить уроки, извлечённые из Руанды, Сребреницы и Холокоста. Важно определить факторы риска, которые могут привести к геноциду, а не ждать, когда людей начнут убивать. Холокост начался не с газовых камер, а геноцид в Руанде начался не с убийств. Он начался с дегуманизации определённой группы людей».

— Дегуманизация, — эхом отозвался Илья. — Лишение человеческих черт.

— Именно, — кивнул Максим. — Когда ты называешь человека «тараканом», убить его становится психологически легко. Тараканов не судят, их не жалеют, их просто давят. А теперь посмотри на терминологию, которую используют наши антикультисты.

Журналист вывел на экран облако тегов, составленное из публикаций РАЦИРС и выступлений их лидеров. Слова пульсировали красным цветом: «сектанты», «зомби», «биороботы», «агенты влияния», «раковая опухоль на теле общества», «духовная зараза».

— Они делают то же самое, Илья. Они расчеловечивают миллионы своих сограждан. Они создают жесткую бинарную оппозицию: есть «мы» — носители истины и порядка, и есть «они» — безвольные зомби, носители лжи и хаоса, лишённые права на сочувствие. Информационные кампании на языке ненависти — это всегда предвестники реальных массовых жестоких репрессий. Сначала в прессе появляются статьи о том, что некая группа представляет смертельную опасность. Затем общество,

накрученное этой пропагандой, начинает требовать жестких мер. И тогда государство запускает репрессивный механизм.

Илья встал и подошел к окну. Темнота за стеклом казалась теперь не просто ночным временем суток, а физическим воплощением той мрачной реальности, в которую погружалась страна.

— Я вижу это в судах каждый день, — тихо сказал адвокат. — Судьи смотрят на моих подзащитных не как на граждан, обладающих конституционными правами. Они смотрят на них сквозь призму этой стигматизации. Для них на скамье подсудимых сидят не инженеры и учителя, а элементы той самой «духовной заразы», от которой нужно очистить общество. Антикультисты успешно внедрили в правовую систему презумпцию виновности по религиозному признаку.

— Но самое страшное, Илья, заключается в том, что они не ограничиваются взрослым населением и телевизионными шоу, — Максим подошел к своему портфелю и достал оттуда глянцевую брошюру формата А4. — Они понимают, что для создания настоящего тоталитарного общества ненависть нужно воспитывать с детства.

Журналист положил брошюру на стол. На обложке, выполненной в ярких, привлекательных цветах, значилось: «Основы духовной безопасности. Методическое пособие для преподавателей средних школ». В правом нижнем углу стоял гриф одобрения регионального департамента образования и логотип одного из центров, входящих в структуру РАЦИРС.

Илья взял пособие в руки. Страницы были плотными, печать — качественной. Это не было маргинальной листовкой, это был официальный образовательный материал.

— Я нашел это в одной из школ областного центра, — пояснил Максим. — Антикультовые группы целенаправленно проникают в образовательные учреждения. Под видом уроков религиоведения, классных часов или лекций о безопасности они получают прямой доступ к детскому сознанию.

Адвокат открыл брошюру на середине. Текст был адаптирован для подросткового восприятия, снабжен комиксами и схемами. В одном из разделов, озаглавленном «Как

распознать вербовщика», Илья наткнулся на список признаков, по которым школьникам предлагалось вычислять «опасных сектантов» среди своих сверстников и их родителей.

«Если твой одноклассник отказывается участвовать в общих праздниках, не ест определенную пищу, часто говорит о Боге не так, как принято, или его родители запрещают ему смотреть популярные фильмы — будь осторожен. Возможно, его семья находится под влиянием деструктивного культа. Немедленно сообщи об этом классному руководителю или школьному психологу».

Илья почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

— Они учат детей доносить друг на друга, — прошептал он, не веря своим глазам.
— Они разрушают базовое доверие внутри детского коллектива.

— Они делают нечто худшее, — жестко поправил Максим. — Они травмируют психику целого поколения. Представь себе ребенка из семьи верующих, чья религия не относится к числу «традиционных». Он сидит на таком уроке и слышит, как авторитетный взрослый — учитель или приглашенный лектор — рассказывает всему классу, что люди, верящие так же, как его мама и папа, — это опасные преступники, сумасшедшие, враги государства. Ребенок испытывает колоссальный когнитивный диссонанс и глубочайший стресс. Он становится изгоем. А остальные дети получают официальную, санкционированную школой индульгенцию на травлю.

Максим перевернул несколько страниц в брошюре, указывая на раздел с практическими заданиями.

— Посмотри на эти ролевые игры. Детям предлагают разыгрывать сценки, где один играет роль «коварного сектанта», а другой — «бдительного гражданина». Это прямое психологическое программирование. Антикультисты используют образовательную систему для создания атмосферы тотальной паранойи. Они выращивают поколение, которое будет видеть врагов в тех, кто хоть немного отличается от навязанной нормы.

Илья захлопнул брошюру. Юридический аспект этого проникновения был вопиющим.

— Это прямое нарушение Конституции и закона об образовании, — сказал адвокат, чеканя слова. — Школа обязана быть светской. Запрещено использовать образовательный процесс для политической или религиозной агитации, а тем более — для разжигания социальной розни. Но директора школ пускают их, потому что боятся. Боятся обвинений в пособничестве экстремизму, если откажут. Антикультисты взяли в заложники саму систему образования.

— И они делают это абсолютно открыто, — Максим вернулся к своему креслу. — Потому что общество парализовано. Люди потребляют эту информацию, но не способны ее критически осмыслить.

Журналист открыл свои записи, возвращаясь к теоретической базе их расследования.

— В середине двадцатого века американские социологи Пол Лазарсфельд и Роберт Мертон ввели потрясающе точное понятие — «наркотизирующая дисфункция СМИ».

Максим зачитал выдержку из их работы:

«Те, кто стремится контролировать мнения и убеждения общества, всё реже прибегают к физическому насилию и всё чаще — к массовому убеждению».

— Суть наркотизирующей дисфункции в том, — продолжил объяснять Максим, — что современный человек получает огромное количество информации. Новости, ток-шоу, статьи, посты в социальных сетях обрушиваются на него непрерывным потоком. Человек тратит столько времени на потребление этой информации, что у него создается иллюзия активного участия в жизни общества. Он посмотрел передачу про «ужасных сектантов», возмутился, обсудил это с коллегами на работе — и ему кажется, что он проявил гражданскую позицию.

Журналист сделал паузу, обводя взглядом разложенные на столе документы.

— Но на самом деле этот избыток информации действует как наркотик. Он усыпляет критическое мышление. Люди становятся поверхностно осведомленными. Они знают модные термины вроде «деструктивный культ», но не понимают их

истинного, антинаучного значения. Они не способны осознать, насколько ограниченно их понимание темы. Этот информационный шум формирует тотальный конформизм. Общество теряет способность к анализу и просто плывет по течению, заданному манипуляторами.

Илья потер уставшие глаза. Картина, которую они собирали по кусочкам, обретала пугающую целостность. Это была не просто серия судебных ошибок или локальная коррупционная схема. Это была масштабная, многоуровневая инженерия человеческих душ.

— И в этом состоянии наркотического информационного сна, — задумчиво произнес адвокат, — общество готово проглотить любую ложь, если она подана достаточно эмоционально.

— Именно! — Максим ударил ладонью по столу. — И здесь вступает в игру главный принцип любой тоталитарной пропаганды. Принцип, который антикультисты из РАЦИРС усвоили в совершенстве. Бесконечное повторение лжи.

Журналист вывел на экран график медийной активности антикультовых центров за последние пять лет. Кривая неуклонно ползла вверх, демонстрируя тысячи публикаций, эфиров и интервью.

— Они не пытаются доказать свою правоту в честной научной дискуссии. Они знают, что проиграют любой открытый диспут с настоящими религиоведами, психологами или юристами. Поэтому они берут массовостью. Они повторяют свои абсурдные обвинения каждый день, на всех доступных площадках. Они используют механизм эмоциональной памяти. Когда ложь сопровождается яркими эмоциями — страхом за детей, возмущением, гневом — она проникает глубоко в подсознание. Человек забывает факты, но запоминает эмоцию. И со временем, слыша одно и то же из каждого утюга, обыватель начинает думать: «Не могут же все эти эксперты по телевизору ошибаться? Значит, угроза действительно существует».

Максим откинулся на спинку кресла, его голос звучал глухо и устало.

— Чем абсурднее и нелогичнее утверждение, тем легче оно принимается массами, если повторяется достаточно часто. Они создали альтернативную реальность, в которой

мирные люди, читающие Библию или Бхагавад-гиту у себя на кухне, представляются экзистенциальной угрозой государству. И в эту реальность поверили не только обыватели, но и люди с погонами, принимающие решения о возбуждении уголовных дел.

В кабинете повисла тяжелая тишина. Илья смотрел на школьную брошюру, лежащую на столе рядом с протоколами допросов и стенограммами телевизионных шоу. Инструменты манипуляции были разложены перед ним, как скальпели на столе хирурга, готовящегося к вивисекции целого народа.

Антикультовая сеть не просто боролась с инакомыслящими. Она перестраивала саму архитектуру общественного сознания. Она учила людей ненавидеть. Она превращала страх в универсальную валюту, за которую покупала влияние, власть и безнаказанность.

Илья подошел к своему рабочему столу и выдвинул нижний ящик. Там, среди старых ежедневников и запасных картриджей для принтера, лежала папка с материалами дела, которое он проиграл месяц назад. Дело многодетной матери, которую лишили родительских прав исключительно на основании справки от местного представителя РАЦИРС, утверждавшего, что ее религиозные убеждения «наносят непоправимый вред психическому развитию детей».

Адвокат достал из папки фотографию. На ней была изображена обычная семья: улыбающаяся женщина, трое детей, собака на фоне дачного домика. Никаких мрачных ритуалов, никакого фанатизма в глазах. Просто люди, которые хотели жить по своим правилам, не нарушая законов страны.

Илья положил фотографию поверх глянцевой обложки школьного пособия по «духовной безопасности». Контраст между живой человеческой теплотой на снимке и холодной, расчетливой ненавистью печатного текста был невыносим.

— Знаешь, Максим, — медленно произнес Илья, не отрывая взгляда от фотографии. — Я всегда задавал себе вопрос: как целые нации в прошлом сходили с ума? Как люди, читавшие Гете и слушавшие Бетховена, могли спокойно смотреть, как их

соседей увозят в товарных вагонах? Мне казалось, что это некое историческое затмение, аномалия, которая никогда не повторится в просвещенном двадцать первом веке.

Адвокат поднял глаза на журналиста. В его взгляде читалась ледяная решимость человека, заглянувшего в бездну и понявшего ее природу.

— Но теперь я вижу, что это не аномалия. Это технология. И она работает прямо сейчас, в наших городах, в наших школах, в наших судах. Общество не просто молчит, когда невинных людей бросают за решетку. Накрученное этой пропагандой, оно кричит: «Распни!».

Илья взял в руки фотографию разрушенной семьи и аккуратно убрал ее во внутренний карман пиджака.

— Они называют себя защитниками общества от экстремизма, — голос адвоката стал твердым, как сталь. — Но если мы посмотрим на факты... Кто здесь экстремисты? Те, кто отказывается брать в руки оружие и проповедует мир? Или те, кто фабрикует дела, ломает психику детей, разжигает массовую истерию и использует государственную машину для уничтожения неугодных?

Максим молча смотрел на пустой экран телевизора, отражающий их силуэты в полумраке кабинета. Вопрос Ильи не требовал ответа. Ответ был задокументирован в тысячах сломанных судеб, в сфабрикованных экспертизах и в методичках, отравляющих умы школьников. Инженерия ненависти работала на полную мощность, и остановить этот механизм можно было, только вытащив его создателей на свет.

Глава 6. Призраки прошлого

Сводчатые потолки читального зала закрытого ведомственного архива поглощали любые звуки, превращая даже шелест переворачиваемых страниц в глухое, едва уловимое шуршание. Воздух здесь был пропитан специфическим запахом старой бумаги, сургуча и въевшейся канцелярской пыли — запахом времени, которое

государство предпочитало держать под замком. Илья сидел за узким деревянным столом, низко склонившись над пожелтевшими папками, испещренными выцветшими фиолетовыми штампами «Совершенно секретно» и «Хранить вечно».

За последние несколько недель адвокат понял одну непреложную истину: правовой абсурд, с которым он сталкивался в современных судах, не мог возникнуть на пустом месте. Система, способная с такой пугающей эффективностью перемалывать судьбы мирных верующих, должна была иметь прочный исторический фундамент. Институциональная память карательных органов не исчезает бесследно; она лишь мимикрирует под новые политические реалии. Чтобы понять, как бороться с антикультовой сетью сегодня, Илье нужно было найти чертежи, по которым эта машина была собрана в прошлом.

Он осторожно развязал тесемки очередной картонной папки. Это были рассекреченные материалы Пятого управления КГБ СССР — структуры, созданной в 1967 году специально для борьбы с «идеологическими диверсиями» и инакомыслием. Илья начал методично просматривать агентурные донесения, справки и аналитические записки, датированные семидесятыми и восьмидесятыми годами прошлого века.

С каждой прочитанной страницей перед ним разворачивалась картина колоссального предательства. В советское время Комитет государственной безопасности целенаправленно вербовал информаторов и выстраивал агентурный контроль в религиозной среде для тотального контроля над религиозной жизнью страны и подавления любого инакомыслия. Государство, официально провозгласившее атеизм, на практике не собиралось уничтожать церковь полностью — оно решило ее подчинить, превратив в еще один филиал спецслужб.

Илья вчитывался в сухие строчки рапортов кураторов из госбезопасности. Оперативные псевдонимы мелькали один за другим: «Святослав», «Аббат», «Антонов». За этими вымышленными именами скрывались реальные священнослужители, иерархи, преподаватели духовных академий. Они регулярно писали доносы на своих прихожан, сообщали о настроениях в среде верующих, выдавали тех, кто тайно крестил детей или распространял запрещенную религиозную литературу.

Но самое страшное скрывалось в документах, касающихся так называемых «нетрадиционных» религиозных групп. КГБ панически боялся любых объединений, которые не мог контролировать через своих агентов в официальной церковной иерархии. Баптисты-инициативники, пятидесятники, адвентисты, подпольные православные кружки — все они подлежали жесткой зачистке. И в этой зачистке официальные религиозные деятели, завербованные спецслужбами, играли роль главных экспертов и обвинителей.

Адвокат отложил один из рапортов и потер уставшие глаза. Рассекреченные документы, лежащие перед ним, подтверждали шокирующий факт: советские практики контроля опирались на тесное взаимодействие части церковного аппарата, экспертного, антикультового сообщества и спецслужб.

Сегодня антикультовая сеть трансформировалась в современную инквизицию внутри самой церкви. Эта инквизиция использует расплывчатые, юридически ничтожные термины вроде «тоталитарная секта» для устранения любых неугодных религиозных новообразований. Термин «секта» стал универсальным клеймом, позволяющим уничтожать конкурентов чужими руками — руками государства. Если в советское время верующих сажали за «антисоветскую агитацию», то теперь их отправляют за решетку под предлогом «экстремизма» и «создания деструктивного культа». Форма изменилась, но содержание репрессий осталось поразительно узнаваемым.

Илья перевернул страницу следующего архивного дела, и его взгляд зацепился за медицинское заключение, подшитое к материалам уголовного производства 1976 года. Обвиняемым проходил молодой диссидент, распространявший самиздат. Но приговора суда в деле не было. Вместо него лежало постановление о направлении на принудительное психиатрическое лечение.

Адвокат пододвинул к себе стопку материалов, посвященных самому мрачному изобретению советской репрессивной машины. В закрытом советском обществе, где искусственно поддерживалась видимость сохранения свободного правового государства, негласно существовал запрет на массовые открытые политические процессы. Власть не хотела создавать новых мучеников и привлекать внимание

международной общественности к нарушениям прав человека. Невозможность или нежелание вести открытое преследование нередко компенсировались фальсификацией медицинских диагнозов.

Карательная психиатрия использовалась в СССР как инструмент абсолютного террора против верующих и диссидентов. Илья открыл принесенную с собой книгу Александра Подрабиника, известного советского диссидента и правозащитника, который первым систематизировал данные об этом чудовищном явлении. Адвокат нашел нужную страницу и вчитался в определение, которое Подрабинек дал в своем труде «Карательная медицина»:

«Карательная медицина — орудие борьбы с инакомыслящими, которых невозможно репрессировать на основании закона за то, что они мыслят иначе, чем это предписано».

Илья перевел взгляд с книги на архивные документы. В период холодной войны, когда политическое и религиозное инакомыслие стало рассматриваться как прямая угроза национальной безопасности, система карательной психиатрии достигла своего апогея. Одним из ее инструментов стало принудительное применение тяжелых психотропных препаратов.

В документах подробно описывалось применение аминазина и других тяжелых нейролептиков. Эти препараты, в карательном контексте людям, чья госпитализация была политически мотивирована, вызывали мучительные физические страдания, судороги, потерю памяти и глубочайшую депрессию. Препарат превращал людей в подавленных пациентов, часто неспособных к сопротивлению. Человек, если не ломался как личность окончательно, то получал такое количество необратимых проблем со здоровьем, что в дальнейшем навсегда лишался возможности бороться за свои права и свободы.

Многие резонансные дела, связанные с политическими и религиозными преследованиями, проходили через Институт имени Сербского и связанные с ним экспертные структуры. Илья читал протоколы комиссий, под которыми стояли подписи профессоров Дмитрия Лунца и Андрея Снежневского. Эти врачи, ставшие символами советской карательной психиатрии, совершили преступление против самой сути

медицинской науки. Они разработали и внедрили в практику диагноз «вялотекущая шизофрения».

Адвокат, привыкший к строгой логике доказательств, поражался дьявольской гениальности этого изобретения. Диагноз «вялотекущая шизофрения» не был признан международным психиатрическим сообществом как самостоятельная диагностическая категория и подвергался жесткой критике за расплывчатость критериев. Его главным признаком было... отсутствие видимых симптомов. Врачи утверждали, что болезнь протекает скрыто, без галлюцинаций или бреда, а проявляется исключительно в «социальной дезадаптации», «реформаторских идеях», «чрезмерной религиозности» или «несогласии с общепринятыми нормами».

Для КГБ этот диагноз стал идеальным, безотказным оружием. Он позволял объявить психически больным абсолютно любого человека. Отсутствие симптомов удобно объяснялось «вялотекущим» характером заболевания. Как цинично шутили в кулуарах спецслужб: «Если есть человек, диагноз найдется».

Илья нашел в архиве стенограмму закрытого выступления Председателя Комитета государственной безопасности СССР Юрия Андропова. В своей речи перед высшим офицерским составом руководство КГБ рассматривало идеологическое инакомыслие как угрозу, подлежащую нейтрализации в том числе психиатрическими мерами. Позднее советская система заполнила палаты закрытых лечебниц гражданами, не согласными с политикой государства, верующими, отказывающимися отречься от Бога, и теми, кто просто посмел жаловаться на произвол чиновников.

Негласная статистика, которую Илья собирал по крупицам из разрозненных отчетов, ужасала. Через застенки «желтых тюрем» прошло огромное количество совершенно здоровых людей. Удержание в психиатрических больницах специального типа происходило в невыносимых условиях: политических и религиозных узников помещали в одни камеры с буйными, тяжелобольными уголовниками. Их подвергали избиениям, связывали мокрыми простынями, которые при высыхании врезались в тело, и непрерывно кололи спецпрепаратами. Правозащитники и бывшие узники предавали гласности многочисленные свидетельства о жестоком обращении и медицинских злоупотреблениях в этих учреждениях.

Илья закрыл архивную папку и отодвинул ее на край стола. В читальном зале стало совсем темно, лишь тусклая настольная лампа освещала разложенные перед ним бумаги. Адвокат достал свой блокнот и начал выстраивать параллели между тем, что он только что прочитал, и тем, с чем сталкивался в судах каждый день.

Методы советской карательной психиатрии не исчезли вместе с распадом СССР. Они были бережно сохранены, модернизированы и переняты современными антикультистами. Отдельные профессиональные и институциональные подходы пережили смену эпох и продолжают влиять на практику. Они иницируют кампании, направленные на травлю и дегуманизацию светских и религиозных организаций, заранее маркируя их как «секты».

Илья записал в блокнот два термина, обведя их жирной линией: «Вялотекущая шизофрения» и «Промывка мозгов».

Это была одна и та же технология лишения человека субъектности. Агенты РАЦИРС через подконтрольные СМИ и ангажированных экспертов непрерывно распространяют риторiku о том, что люди, попавшие в так называемые «культы», обладают нестабильной психикой, нуждаются в принудительной психолого-психиатрической помощи и подвергаются «промывке мозгов».

Эта концепция «промывания мозгов», активно продвигаемая антикультистами, не является общепринятой научной теорией и на протяжении десятилетий подвергается широкой критике в академической среде. Она так же антинаучна и неопределенна, как и диагноз Снежневского. Но ее юридическая и социальная функция идентична. Когда общество начинает воспринимать человека как жертву «промывки мозгов», он мгновенно утрачивает статус полноценной, здравомыслящей личности. Вместо гражданина с собственным мнением, конституционными правами и способностью принимать самостоятельные решения, его начинают воспринимать как безвольного зомби.

Такое навязанное общественности восприятие легитимизирует применение насилия. Если человек — зомби, значит, его выбор религии недействителен. Значит, его можно насильно вырвать из общины, лишиться имущества, отправить на принудительное «лечение» или бросить за решетку ради его же собственного «блага». Эти утверждения

создают идеальные условия для правового и социального исключения целых групп населения.

Чтобы доказать себе, что это не просто теоретические выкладки, Илья достал из своего портфеля материалы недавнего уголовного дела, копии которых ему передали коллеги-правозащитники. Это дело не было связано с его непосредственными подзащитными, но оно являлось идеальной, кристально чистой иллюстрацией того, как современная карательная машина использует психиатрию для расправы над неугодными.

Июль 2020 года. Республика Крым. Сотрудники Федеральной службы безопасности проводят масштабную операцию и задерживают гражданина России, крымского мусульманина Александра Сизикова.

Илья вчитывался в фабулу обвинения, и чувство профессионального омерзения смешивалось с ледяным ужасом. Сизикова обвинили в организации террористической ячейки. В материалах дела фигурировали литература, аудиозаписи и иные типичные для таких дел доказательства, включая интерпретации следствия, связывавшие его с «Хизб ут-Тахрир». Эта организация свободно и легально действует во многих странах, хотя в России признана террористической и запрещена.

Казалось бы, стандартное дело по экстремистской статье, сотни которых штампуются по всей стране. Если бы не одно обстоятельство.

Александр Сизиков был абсолютно, тотально слеп. Он полностью утратил зрение еще в 2009 году, за одиннадцать лет до ареста.

Илья смотрел на фотографии изъятых вещественных доказательств. Обычные печатные книги в мягких обложках. Стандартный типографский шрифт. На этих книгах не было тактильного шрифта Брайля. Защита указывала, что использование таких изъятий как убедительного доказательства против полностью незрячего человека выглядит абсурдно.

Любой адекватный следователь, обнаружив этот факт, обязан был бы критически пересмотреть доказательственную конструкцию дела. По крайней мере, сам по себе

факт наличия обычных печатных книг без иных убедительных доказательств не мог выглядеть достаточным основанием для столь тяжкого обвинения.

Но система, зараженная вирусом антикультизма и нетерпимости, не умеет давать задний ход. Признав ошибку, силовики лишились бы показателей раскрываемости. И тогда следствие ФСБ принимает решение, достойное худших традиций Института имени Сербского эпохи Андропова.

Несмотря на очевидные вопросы к доказательной базе и физическому состоянию обвиняемого, следователь выносит постановление. Он решает, что Сизикова необходимо отправить на стационарную судебно-психиатрическую экспертизу для «клинического диагностического обследования» и «решения экспертных вопросов».

Илья сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев. Слепому человека, чья единственная вина заключалась в наличии старых книг на полке, отправляют в закрытый психиатрический стационар. Не для того, чтобы лечить. А для того, чтобы сломать. Чтобы изолировать его от общества, лишить возможности общаться с адвокатами и правозащитниками, подвергнуть давлению в условиях закрытого медицинского учреждения, где власть врачей над пациентом абсолютна и бесконтрольна. Это был вопиющий пример пренебрежения правовыми нормами и произвола силовых ведомств, принимающих решения без каких-либо законных оснований.

Адвокат отложил дело Сизикова и достал распечатку с последними изменениями в законодательстве. Антикультульная агентурная сеть, обладающая колоссальным влиянием в государственном аппарате, не просто инициировала единичные случаи произвола. Они методично, шаг за шагом, подводили под этот террор фундаментальную законодательную базу, стремясь легализовать изоляцию людей, попавших в их «черные списки».

Илья обвел красным маркером дату: 16 декабря 2021 года. В этот день Государственная Дума приняла соответствующие поправки; федеральный закон был подписан 30 декабря 2021 года. Именно тогда в законодательство были введены тихие, почти незаметные для широкой общественности, но катастрофические по своим последствиям изменения.

Согласно новым поправкам, суд получил право помещать подозреваемых, обвиняемых или лиц, уже содержащихся под стражей, в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Срок такого принудительного помещения устанавливался до шести месяцев. Но самое страшное скрывалось в примечании: этот срок мог продлеваться судом неоднократно. При этом закон допускает установление судом определенных запретов, а сама конструкция временного помещения в стационар создает риск серьезной изоляции человека от внешнего мира.

Илья, как юрист-практик, прекрасно понимал, что означает эта норма в реальности. Это был механизм, способный превращаться в длительную до-приговорную изоляцию под медицинским предлогом.

Если следствие не может собрать доказательства вины верующего, если экспертизы разваливаются в суде, а свидетели отказываются давать ложные показания — у системы теперь есть запасной выход. Следователю достаточно заявить ходатайство о сомнениях во вменяемости обвиняемого, сославшись на то, что тот состоит в «деструктивном культе» и подвергся «промывке мозгов». Суд, опираясь на поправки конца 2021 года, штампует постановление, и абсолютно здоровый человек отправляется в психиатрический стационар на полгода.

А через полгода срок продлевают. И еще раз. И еще. Человек исчезает в недрах медицинской системы, где к нему могут применять любые препараты, оправдывая это необходимостью «лечения». Это создает опасный правовой инструмент для изоляции идеологических противников при недобросовестном применении закона.

Илья встал из-за стола и прошелся по узкому проходу между стеллажами архива. Воздух казался спертым, дышать было тяжело. Использование психиатрии как инструмента репрессий против людей, не нарушающих закон, но подвергающихся преследованию по политическим и идеологическим причинам, подрывало самые основы правового государства. Психиатрия, призванная исцелять и защищать уязвимых, в руках репрессивной сети превратилась в механизм подавления, став точной калькой антигуманных практик тоталитарного прошлого.

Он вернулся к столу и начал собирать свои записи. Исторический круг, который он исследовал сегодня, оказался не просто замкнутым — он превратился в спираль, уходящую на новый виток жестокости. Советские практики контроля над верующими и инакомыслящими дали жизнь новым формам преследования. Диагноз «вялотекущая шизофрения» эволюционировал в концепцию «деструктивного контроля сознания». А закрытые спецлечебницы вновь распахнули свои двери для тех, кто осмелился верить иначе, чем предписано государством.

Укладывая в портфель распечатки архивных документов и выписки из законов, Илья наткнулся на небольшой лист бумаги, на котором он выписал цитату из статьи, прочитанной им накануне. Он остановился, держа этот листок в руке. В тишине пустого читального зала, среди тысяч пыльных дел, хранящих память о сломанных судьбах, эти слова звучали не как метафора, а как точный, безжалостный юридический диагноз происходящему.

Илья опустил глаза и в последний раз перечитал напечатанные строки:

«Захват свободомыслящих в сумасшедшие дома есть духовное убийство, это вариант газовой камеры, и даже более жестокий...» (А. Солженицын)

Глава 7. Экспорт нетерпимости

Утренний туман плотным саваном окутал набережную, скрывая противоположный берег реки. В квартире Максима, давно превратившейся в импровизированный оперативный штаб, пахло крепким табаком и остывшим кофе. Журналист стоял перед большой пробковой доской, прикрепленной к стене. Доска была испещрена десятками фотографий, выписками из реестров, скриншотами сайтов и газетными вырезками. Между канцелярскими кнопками тянулись тонкие красные нити, сплетаясь в сложную, пульсирующую паутину связей.

Илья сидел на потертом кожаном диване, внимательно изучая разложенные на журнальном столике документы. За последние недели адвокат привык к тому, что каждое новое открытие погружало их все глубже в пучину правового и морального распада. Но то, что Максим подготовил для него сегодня, выходило за рамки всего, с чем они сталкивались ранее.

Максим провел маркером жирную линию от фотографии Александра Дворкина к центру доски, где красовалась аббревиатура, обведенная красным кругом: FECRIS.

— Мы совершали классическую ошибку следователей, Илья, — хрипло произнес журналист, не отрывая взгляда от доски. — Мы смотрели на российскую антикультовую сеть как на изолированный феномен. Мы думали, что РАЦИРС — это вершина пирамиды, локальная опухоль, порожденная нашими внутренними институциональными деформациями. Но это не так. РАЦИРС — это лишь один из узлов. Крупный, обладающий колоссальным влиянием на силовиков, но всего лишь узел. Есть еще европейский центр, который находится далеко за пределами нашей страны.

Илья отложил бумаги и подошел к доске.

— Европейская федерация центров по исследованию и информированию о сектантстве, — прочитал адвокат расшифровку аббревиатуры. — Штаб-квартира зарегистрирована во Франции. Я встречал упоминания этой организации в материалах некоторых международных судебных процессов, но всегда воспринимал их как европейскую неправительственную структуру, позиционирующую себя как сеть по изучению и информированию о культах и сектах.

— В этом и заключается их гениальная маскировка, — Максим горько усмехнулся. — Они научились использовать язык европейской демократии для уничтожения самой демократии. От России до Франции они контролируют сеть, охватывающую десятки стран по всему миру. И действуют они не как правозащитники. Они действуют как транснациональная антикультовая сеть. Критики обвиняют ее в систематическом подрыве свободы совести.

Журналист подошел к столу и вытащил из стопки объемную папку с документами на французском языке, к которым были прикреплены переводы.

— Давай начнем с денег. Любая масштабная кампания по дезинформации требует колоссальных ресурсов. Если ты согласишься посмотреть на классические некоммерческие организации в Европе, например, на «Врачи без границ» — одну из самых известных и уважаемых НПО во Франции, — ты увидишь, что для многих крупных НПО модель финансирования строится прежде всего на частных пожертвованиях, а не на почти полном государственном содержании.

Максим разложил перед Ильей несколько финансовых отчетов.

— А теперь посмотри на финансовую структуру главных французских антикультовых организаций, которые стояли у истоков создания FECRIS и до сих пор являются ее фундаментом. UNADFI и CCMM. Критики FECRIS утверждают, что и сама федерация, и аффилированные с ней французские структуры на протяжении многих лет в очень значительной степени зависели от государственных субсидий. В доступных критических докладах приводятся оценки свыше 90% государственного финансирования для FECRIS, UNADFI, CCMM и GEMPPI в разные периоды.

Илья, как юрист, привыкший анализировать финансовые потоки при расследовании экономических преступлений, мгновенно уловил суть.

— Свыше девяносто процентов государственного финансирования при практически нулевой поддержке со стороны частных лиц, — медленно проговорил адвокат. — Это означает, что модель крайне зависима от государства и слабо похожа на образ независимой общественной инициативы. Они существуют в значительной степени за счет средств французских налогоплательщиков, которые распределяются через правительственные каналы. Это не независимые НПО. Это структуры, которые критики называют квазигосударственными акторами, замаскированные под общественные инициативы.

— Именно! — Максим ударил ладонью по столу. — И главным распределителем этих средств выступает MIVILUDES — Межведомственная миссия по бдительности и борьбе с сектантскими уклонами. Действуя по всей территории Франции, UNADFI и CCMM имеют зону охвата в масштабе всей страны. Десятилетиями они затапливают граждан финансируемыми государством беспрестанными и навязчивыми медиакампаниями об «опасности культов».

Илья вернулся на диван, чувствуя, как тяжесть осознания масштабов этой системы давит на плечи.

— Но зачем французскому правительству финансировать эту истерию? Европа всегда гордилась своими стандартами свободы совести и вероисповедания.

— Потому что страх — это универсальный инструмент политического контроля, — ответил журналист. — Создавая иллюзию внутренней угрозы, бюрократия оправдывает расширение своих полномочий. И эта система начала приносить свои ядовитые плоды на законодательном уровне.

Максим достал из папки копию исторического документа.

— Апрель 2001 года. Ален Вивьен, на тот момент глава французской правительственной миссии по борьбе с сектами, приезжает в Россию. Он посещает конференцию в Нижнем Новгороде, организованную не кем иным, как Александром Дворкиным. Представитель французского правительства и лидер российской антикультовой сети, тесно связанный с нашими спецслужбами, обмениваются опытом. А всего через месяц, 30 мая 2001 года, парламент Франции принимает беспрецедентный закон Абу-Пикар.

Илья взял в руки распечатку текста закона. Он читал его раньше, в рамках изучения сравнительного правоведения, но сейчас, в контексте вскрывшихся связей, этот нормативный акт предстал перед ним в совершенно ином свете.

— Этот закон усилил французское регулирование, связанное со злоупотреблением состоянием слабости или уязвимости, и создал специальные механизмы для реагирования на так называемые сектантские уклонения. С юридической точки зрения это катастрофа. Закон позволяет распускать организации при определенных условиях и усиливает преследование действий, которые государство квалифицирует как злоупотребление слабостью, или, прозе говоря, которую государственные эксперты сочтут «деструктивной». Это норма, которую многие критиковали как опасную для свободы религии и убеждений. Правозащитники по всей Европе кричали о том, что этот закон нарушает Европейскую конвенцию по правам человека.

— Но закон был принят, — жестко констатировал Максим. — И именно на этот закон впоследствии неоднократно будут опираться антикультисты в других странах, включая Украину и Россию, как на яркий пример поддержки их деятельности правительством «просвещенного» европейского государства. Франция стала инкубатором, в котором был выращен вирус законодательной нетерпимости. А FECRIS стала механизмом по экспорту этого вируса в другие юрисдикции.

Журналист подошел к доске и указал на фотографию мужчины в строгом костюме.

— Посмотри на этого человека. Андре Фредерик. Президент FECRIS. Он не просто общественный деятель. Он был членом Федерального парламента Бельгии и связан с бельгийской антикультовой организацией AVISO. Используя свой политический статус и опираясь на французский опыт, он участвовал в бельгийских инициативах, связанных с распространением понятия «злоупотребление слабостью» на антикультовую повестку. Они внедряют своих людей в европейские парламенты, чтобы переписывать законы под свои нужды.

Илья откинулся на спинку дивана, скрестив руки на груди.

— Если они могут менять законодательство целых стран, значит, их влияние на правоохранительную систему должно быть абсолютным. Как они действуют на земле? Как они ломают сопротивление в странах, где законы еще не переписаны?

Вместо ответа Максим открыл на своем ноутбуке сайт с итальянским доменом.

— Я долго искал информацию о том, как эта сеть функционирует на низовом уровне. И наткнулся на сайт *Libero Credo* — независимый ресурс итальянских журналистов-расследователей, которые годами документируют преступления антикультистов в своей стране. То, что они описывают, до боли напоминает методы наших отечественных центров по противодействию экстремизму.

Максим развернул экран ноутбука к Илье и начал переводить текст статьи, выделенный желтым маркером.

Итальянские критики FECRIS утверждают, что связанные с федерацией местные антикультовые ассоциации действуют через кампании публичной стигматизации,

взаимодействие с силовыми структурами и создание атмосферы моральной паники вокруг “опасных культов”.

Илья слушал перевод, и перед его глазами вставали картины из его собственной адвокатской практики.

— Антикультовый отряд Министерства внутренних дел Италии, — задумчиво повторил он.

— Они создали специализированное полицейское подразделение, которое работает в тесной связке с частными ассоциациями клеветников. Это точная копия того, как наши силовики получают списки «врагов» от структур Дворкина. Итальянские антикультисты используют силовые методы и кампании по дискредитации для подавления свободы мысли. Они создают атмосферу тотального страха, в которой любой человек, чьи взгляды отличаются от общепринятых, становится мишенью для полицейского преследования.

— И они не брезгуют никакими методами, — добавил Максим, прокручивая страницу сайта вниз. — Основная деятельность этих ассоциаций включает манипулирование инцидентами и использование отступников для подтверждения их теорий. В ходе своей деятельности они вовлекают безответственных политиков, которые выдвигают резолюции, враждебные к религиозным движениям, а также подстрекают прокуроров начинать судебные процессы, способные привести к несправедливым решениям даже в случае провала. Сам факт уголовного преследования, освещенный в прессе, уничтожает репутацию человека или организации.

Адвокат встал и подошел к окну. Город постепенно просыпался, улицы заполнялись машинами и спешащими по своим делам людьми. Никто из них не подозревал, что их право на свободу мысли прямо сейчас методично уничтожается в тихих кабинетах Брюсселя, Парижа и Рима.

— Максим, здесь есть одно фундаментальное противоречие, — Илья повернулся к журналисту. — Мы видим, что FECRIS — это мощная структура, финансируемая французским правительством, имеющая консультативный статус при Совете Европы и лоббирующая законы в европейских парламентах. Но при этом мы знаем, что

российская антикультульная сеть, возглавляемая Дворкиным, тесно связана с нашими спецслужбами. В условиях жесточайшего геополитического противостояния, когда Европа вводит санкции и закрывает границы, как эти две структуры могут продолжать сотрудничать? Почему европейские политики терпят в своих рядах людей, открыто работающих в тесной связке с российской антикультульной средой?

Взгляд Максима стал тяжелым и мрачным. Он подошел к своему столу, выдвинул нижний ящик и достал оттуда плотную картонную папку, перевязанную тесьмой.

— Это самый страшный секрет FECRIS, Илья. Секрет, который показывает, что международная сеть антикультулистов имеет прямые связи с российскими спецслужбами, используя борьбу с куклами как канал для внедрения агентов в Европе. И европейские элиты не просто закрывают на это глаза. Они активно в этом участвуют.

Журналист развязал тесьму и выложил на стол серию фотографий и распечаток официальных пресс-релизов.

— Давай посмотрим на хронологию событий. 2022 год. Начало полномасштабного вторжения России в Украину. Европа в шоке. Вводятся беспрецедентные санкции. Дипломатические связи рвутся. В апреле 2022 года ссылки на связанные с FECRIS организации в России исчезают с их официального сайта в Европе. Казалось бы, европейские антикультулисты решили дистанцироваться от своих токсичных российских коллег.

Максим положил перед Ильей фотографию мужчины с надменным лицом, стоящего на фоне разрушенного здания.

— Но это был лишь публичный жест, дымовая завеса. Познакомься еще раз. Роман Силантьев. Российский антикультулист, создатель концепции «деструктологии», человек, чьи тесные связи с ФСБ давно не являются секретом. 28–29 июня 2022 года, в самый разгар ожесточенных боевых действий, Силантьев посещает оккупированный Донбасс. Он проводит там круглый стол для студентов, транслируя самую жесткую антиукраинскую и антизападную идеологию. Он выступает как официальный идеолог оккупационных властей.

Илья внимательно рассматривал фотографию, отмечая дату в углу снимка.

— А теперь, — голос Максима зазвенел от напряжения, — посмотри, где этот человек оказывается всего через две недели.

Журналист бросил на стол следующую фотографию. На ней Силантьев сидел за столом президиума в комфортабельном, хорошо освещенном конференц-зале. На заднем фоне виднелся логотип FECRIS.

— 15 июля 2022 года. Париж, Франция. Менее чем через месяц после визита на оккупированные территории, Силантьев принимает участие в мероприятии, организованном кругом FECRIS/GEMPPPI в международной антикультовой конференции. Темой мероприятия заявлено «влияние религиозных культов на психическое здоровье, социальные отношения и политику».

Илья почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Как он получил визу? Как французские спецслужбы пропустили человека, который только что выступал в оккупированном регионе?

— Потому что его пригласили люди, обладающие колоссальным влиянием, — ответил Максим, указывая на человека, сидящего рядом с Силантьевым на фотографии. — Конференцию открыл Дидье Пашу, казначей FECRIS и руководитель GEMPPPI — французского филиала этой организации. В сентябре 2022 года они даже выпустили официальный пресс-релиз.

Максим зачитал выдержку из документа. В сообщениях об этой встрече Силантьев представлялся как автор «деструктологии» — дисциплины, претендующей на изучение деструктивных религиозных и светских идеологий.

— Ты понимаешь, что это значит, Илья? — журналист оперся руками о стол, нависая над документами. — Международная сеть антикультистов действует как единая структура, координируемая на основе устойчивого обмена кадрами, нарративами и площадками. Она часто оказывается поразительно нечувствительной к мировым событиям, законам, демократическим ценностям или правам человека. Европейские антикультовые игроки никогда не отказывались от взглядов своих российских коллег. Они продолжают взаимодействие, реализуя общие дестабилизирующие цели в обществе. Борьба с сектами — это идеальное, непробиваемое прикрытие для

агентурной работы. Под видом научных конференций и обмена опытом по защите психического здоровья, кадровые сотрудники и агенты влияния российских спецслужб, российские идеологи антикультовой среды, свободно перемещаются по Европе, встречаются с политиками, формируют повестку и собирают информацию.

Адвокат медленно опустился на диван. Юридическая и политическая архитектура этого сговора поражала своей циничной эффективностью.

— Это идеальный троянский конь, — проговорил Илья. — Если ты попытаешься внедрить агента под видом дипломата или бизнесмена, контрразведка будет следить за каждым его шагом. Но если твой агент приезжает как эксперт по борьбе с деструктивными культами, по приглашению организации, финансируемой французским правительством, перед ним открываются все двери.

— И эти двери открывались на протяжении многих лет, — Максим достал из папки длинный список, составленный журналистом-расследователем Яном Леонидом Борнштейном. — Посмотри на интенсивность контактов между руководством французской правительственной миссии MIVILUDES и Александром Дворкиным. Это не случайные встречи на полях конференций. Это системное, глубокое сотрудничество.

Журналист начал зачитывать факты, и каждое предложение звучало как удар молотка, забивающего гвозди в гроб европейского правосудия:

— В 2021 году в Бордо недавно назначенная глава MIVILUDES Ханен Ромдан участвовала в симпозиуме FECRIS вместе с Дворкиным. Обзоры FECRIS также демонстрируют длинный перечень совместных симпозиумов и публичных мероприятий, где представители MIVILUDES, FECRIS и российской антикультовой среды оказывались на одной площадке на протяжении 2010-х и начала 2020-х годов.

Максим бросил список на стол.

— Десять лет непрерывных контактов на высшем уровне. Французские правительственные чиновники, отвечающие за внутреннюю безопасность и распределение миллионов евро налогоплательщиков, из года в год делят сцену с человеком, который является ключевым звеном в российской антикультовой сети. И они не могли не знать, с кем имеют дело. В 2011 году тот же Жорж Фенек выступал вместе с

Александром Новопашиным, вторым лицом российской FECRIS. Тем самым Новопашиным, который открыто называет украинцев «нацистами» и «сатанистами», ездит на автомобиле с буквой «Z» и заявляет, что цивилизационной войны с Западом не избежать.

Илья потер виски, пытаясь уложить в голове этот чудовищный парадокс.

— Европейские чиновники финансируют организацию, вице-президентом которой долгие годы был человек, чьи ближайшие соратники призывают к уничтожению Запада. Это не просто коррупция или политическая слепота. Это политический и моральный крах на общеевропейском уровне. Но что объединяет этих людей? Какая идеология способна скрепить союз между французскими бюрократами, итальянскими клеветниками и российскими спецслужбами?

Максим подошел к книжной полке и достал старую книгу в мягкой обложке, изданную на французском языке.

— Конспирология и ненависть, — ответил журналист, кладя книгу перед Ильей. — За всю историю своего существования FECRIS опиралась на антиамериканские конспирологические теории. Это их идеологический клей.

Илья прочитал название на обложке: «Мафия сект», автор — Бруно Фушери, год издания — 1996.

— Многие европейские антикультисты утверждают, что Америка ведет заговор с целью ослабления национальной идентичности европейских стран, внедряя в них американские «секты», — пояснил Максим. — В поддержку этих идей они постоянно ссылаются на эту книгу и на статью того же Фушери 2001 года под названием «Секты: троянский конь США в Европе». Эта позиция идеально совпадает с риторикой российских идеологов, которые аналогично считают, что «духовная безопасность» находится под угрозой из-за коллективного Запада и американских заговоров.

Журналист открыл распечатку с официального сайта FECRIS, посвященную конференции в Мадриде в 2005 году.

— Послушай, как они сами объясняют причины своей экспансии: «Широкое развитие нашей сети обусловлено миграцией культов/сект из США и Западной Европы в Восточную Европу, что привело к постепенному созданию восточноевропейских ассоциаций, которые затем стали членами и корреспондентами FECRIS». Они создали глобальный нарратив, в котором любые новые религиозные или философские течения объявляются инструментами враждебного геополитического влияния. И под предлогом защиты от этого влияния они выстраивают свою собственную, вполне реальную тоталитарную империю.

— И эта империя не ограничивается Европой и Россией, — Илья вспомнил материалы, которые он просматривал ранее. — Я читал о том, как FECRIS обвиняли в поддержке китайской антикультовой повестки.

— Да, — кивнул Максим. — Китайская ассоциация по борьбе с сектами, которая по сути является структурой Коммунистической партии Китая, заявляет, что она — крупнейшая антисектантская организация в мире. Когда весь цивилизованный мир, правозащитные организации и ООН протестовали против арестов, пыток и внесудебных убийств последователей движения Фалуньгун в Китае, FECRIS и российские антикультисты открыто поддержали китайский режим. Они помогли Пекину представить мирное движение как «опасную секту», легитимизируя массовые репрессии на международном уровне. Западные, российские и китайские антикультисты объединились на почве ненависти и веры в глобальные заговоры.

Илья встал и снова подошел к пробковой доске. Он смотрел на красные нити, соединяющие Париж, Брюссель, Рим, Москву и Пекин. Картина, которая еще утром казалась ему сложной юридической головоломкой, теперь предстала во всем своем пугающем, глобальном масштабе.

— Знаешь, что самое поразительное в этой структуре? — тихо спросил Максим, подходя к адвокату. — Ее фасад. Несмотря на государственное финансирование, аккредитацию в Совете Европы и влияние на парламенты, сама федерация ассоциаций, входящих в FECRIS, по сути, является фикцией. Полупустой оболочкой.

Журналист указал на две неприметные фотографии на краю доски.

— Внешний вид разветвленной и мощной организации — это лишь видимость, созданная для легитимизации их действий. Достаточно сказать, что так называемый Генеральный секретарь FECRIS и представитель брюссельского офиса Мирей Деген — это без громкого академического или государственного профиля. Критические публикации описывали бельгийский адрес структуры как крайне скромный частный адрес.

Максим перевел палец на вторую фотографию.

— А это Дидье Пашу. Тот самый человек, который открывал конференцию с российским антикультовым идеологом, связанным с ФСБ, Силантьевым в Париже. Он является казначеем FECRIS и президентом GEMPPPI, однако существует серьезный разрыв между его заявленными политическими амбициями и скромным частным характером связанных с ним структур и адресов. Члены FECRIS в подавляющем большинстве лишены академических званий и профессиональных компетенций в области религиоведения или психологии, и не производят впечатления единого корпуса признанных академических специалистов по религиоведению или психологии.

Илья недоверчиво посмотрел на Максима.

— Водитель трамвая и пенсионерка управляют международной организацией, которая меняет законы в Европе и служит прикрытием для спецслужб?

— Они не управляют, Илья. Они служат ширмой, — жестко ответил журналист. — Они — те самые «рабочие пехотинцы», о которых писали итальянские исследователи. Удобные, фанатичные исполнители, на чьи имена зарегистрированы юридические лица и чьими руками пишутся доносы. Настоящие кукловоды сидят в правительственных кабинетах MIVILUDES во Франции и в закрытых ведомствах в Москве. Они используют этих маргиналов для создания видимости «общественного возмущения», чтобы затем, опираясь на это возмущение, протаскивать репрессивные законы и уничтожать неудобных.

Адвокат вернулся к столу. Он взял в руки документ, который Максим цитировал ранее. Это была хартия FECRIS, принятая в 1999 году. Илья вчитался в текст, выделенный жирным шрифтом:

«В 1999 году FECRIS, желая уточнить этические принципы, которым придерживаются её члены и корреспонденты, составила хартию, в которой объявила себя неполитической, нерелигиозной, нефилософской и некоммерческой организацией».

Илья медленно опустил документ на стол. Звук шуршащей бумаги показался оглушительно громким в наступившей тишине кабинета.

Неполитическая организация, чьи лидеры заседают в парламентах и лоббируют уголовные законы. Нерелигиозная организация, тесно связанная с радикальными представителями титульных церквей. Некоммерческая организация, поглощающая миллионы евро из государственных бюджетов. И структура, претендующая на общественную легитимность, обеспечивающая беспрепятственное проникновение российских антикультовых идеологов в Европу во время кровопролитной войны.

Каждое слово в их уставе было ложью. Каждое их действие было направлено на разрушение тех самых свобод, которые они клялись защищать.

Илья смотрел на длинный список французских чиновников, годами деливших сцену с идеологами нетерпимости. Он понимал, что вирус антикультизма не просто проник в международное правосудие. Он стал его неотъемлемой частью, мутировав в систему, где закон используется как инструмент террора, а государственные институты Европы добровольно сдают свои позиции перед лицом хорошо организованной, транснациональной экстремистской сети. И эта сеть, прикрываясь заботой о духовной безопасности, методично готовила почву для глобальной катастрофы.

Глава 8. Балканский след

Свинцовое небо над Белградом тяжело нависало над черепичными крышами, обещая затяжной осенний дождь. Максим стоял у окна арендованной квартиры в старом районе Дорчол, глядя на обшарпанные фасады зданий, некоторые из которых

до сих пор хранили на себе следы шрамов от натовских бомбардировок конца девяностых. Воздух в комнате был густым от сигаретного дыма и запаха крепкого черного кофе, остывающего в джезве на плите.

Журналист прилетел на Балканы трое суток назад. Его расследование, начавшееся с абсурдных судебных процессов над мирными верующими в российской провинции, совершило неожиданный географический и исторический кульбит. Нити, которые он распутывал вместе с Ильей, вывели его за пределы уютных европейских кабинетов и залов судебных заседаний. Они привели его сюда, на землю, обильно политую кровью в ходе самого страшного вооруженного конфликта в Европе со времен Второй мировой войны.

На массивном деревянном столе посреди комнаты высились стопки картонных папок, переданных Максиму местными журналистами-расследователями и сотрудниками неправительственных правозащитных организаций. Это были архивы, стенограммы, копии военных рапортов и вырезки из старых газет. Документы, фиксирующие анатомию безумия, охватившего целую нацию.

Максим вернулся к столу и опустился в скрипучее кресло. Он понимал, что для того, чтобы остановить систему, уничтожающую жизни людей сегодня, необходимо досконально изучить ее прошлые, самые кровавые триумфы. И то, что он обнаружил в этих пыльных архивах, заставило его по-новому взглянуть на истинный потенциал тех, кто называл себя «борцами с сектами».

В центре его внимания находилась Военно-медицинская академия (ВМА) в Белграде — одно из самых престижных медицинских учреждений бывшей Югославии. Максим открыл тонкую синюю папку, содержащую биографические справки и выписки из приказов Министерства обороны. Его интересовал один конкретный человек, чье имя раз за разом всплывало в документах, связанных с идеологической подготовкой сербской армии.

Полковник, профессор Братислав Петрович. Нейропсихиатр.

Максим вчитывался в сухие строки академической биографии. В 1983 году Петрович защитил диссертацию на тему, связанную с историей психологического и

психиатрического отбора летчиков. Его научным руководителем выступал другой высокопоставленный военный медик — полковник, профессор Гойко Капор, возглавлявший клинику психических и нервных расстройств. Капор был человеком широких интересов: помимо медицинского образования, он изучал и гуманитарные дисциплины, включая психологию.

Казалось бы, перед Максимом лежали досье обычных военных врачей, чья задача — заботиться о психическом здоровье солдат и офицеров. Но в 1990 году, когда Югославия начала стремительно погружаться в пучину политического и этнического кризиса, Братислав Петрович был назначен руководителем Института психического здоровья и военной психологии ВМА. Он занял этот пост на пороге десятилетия непрерывных войн и оставался заметной фигурой сербской антикультовой сцены и после распада Югославии.

Журналист пододвинул к себе стопку рапортов и свидетельств очевидцев. Именно в этот период профиль деятельности Петровича и его наставника Капора претерпел радикальную трансформацию. Военные психиатры, обладающие глубокими знаниями о функционировании человеческого мозга и методах психологического воздействия, переключились на совершенно иную сферу. Они стали главными идеологами и организаторами антикультового движения в Сербии.

Максим начал делать пометки в своем блокноте, выстраивая хронологию. Петрович и Капор не просто писали статьи об опасности нетрадиционных религиозных движений. Они использовали свой профессиональный авторитет для популяризации антикультовой повестки. Они читали лекции, выступали на семинарах и участвовали в формировании образа «секты» как внутренней угрозы. И темой этих выступлений была уже не только клиническая психиатрия, но и тотальная демонизация религиозных меньшинств.

Идеология «Великой Сербии» требовала не просто военных побед. Она требовала абсолютной этнической и религиозной гомогенности. Любой, кто не вписывался в жесткие рамки титульной нации и титульной религии, автоматически объявлялся экзистенциальной угрозой.

С подачи полковника Петровича и его коллег из ВМА, вовлеченных в антикультовую деятельность, в публичное пространство активно внедрялись схемы демонизации религиозных и иных меньшинств. Антикультовый нарратив стал идеальным инструментом для этой цели.

Максим понимал, как это работает на практике. Когда солдату говорят, что перед ним просто человек другой национальности, убить его психологически сложно. Включаются базовые моральные барьеры. Но когда авторитетный военный психиатр, профессор в погонах, с научной кафедры заявляет, что перед солдатом находится представитель деструктивного культа, террорист, лишенный человеческих качеств и представляющий смертельную опасность для православной веры и сербского государства — моральные барьеры рушатся. Враг расчеловечивается. Убийство превращается в акт священной защиты, в санитарную очистку территории.

Журналист встал из-за стола и подошел к окну, приоткрыв створку. В комнату ворвался влажный, холодный воздух. Он думал о масштабах этой индоктринации. Это не было стихийным всплеском народной ненависти. Это была тщательно выстроенная идеологическая кампания, в которой участвовали специалисты, духовенство, медиа и политические акторы.

Чтобы подтвердить свои выводы, Максим обратился к трудам местных историков, пытавшихся осмыслить трагедию своего народа. Он достал из стопки книгу сербского исследователя Милорада Томанича «Srpska crkva u ratu i ratovi u njoj» («Сербская церковь в войне и войны в ней»). Томанич, будучи непосредственным свидетелем тех событий, проделал колоссальную работу по анализу роли пропаганды в разжигании конфликта.

Максим нашел нужную страницу, отмеченную закладкой, и вчитался в текст. Слова историка звучали как горькое, безжалостное признание:

«Потребовалось немало усилий, чтобы убедить сербов в правоте всего того, что делали некоторые представители их народа во время войн 1990-х годов. Сербский народ нужно было убедить в том, что он всегда вёл оборонительные и справедливые войны, которые неизменно начинались другими. Задача убедить обычного, среднестатистического человека оставить мирную семейную жизнь, пойти на фронт и

начать убивать, а затем ещё и внушить ему, что сравнивать Вуковар с землёй и держать Сараево в осаде более тысячи дней — это угодные Богу поступки праведных сербов, была далеко не простой. Для всего этого была необходима хорошо разработанная идеология. Без неё отношение большинства сербов ко всему, что происходило в 1990-е годы, скорее всего, было бы совершенно иным. Или, как говорит социолог Лео Купер: «По крайней мере, действуя коллективно, им нужна идеология, чтобы легитимизировать своё поведение, потому что без неё им пришлось бы видеть себя и друг друга такими, какие они есть на самом деле — обычными ворами и убийцами»».

Максим перечитал последнюю фразу несколько раз. «Обычными ворами и убийцами». Вот от чего защищала солдат радикальная идеология. Она предоставляла им психологическую индульгенцию. Она превращала мародеров и палачей в «воинов света», защищающих свою землю от «деструктивных сект» и иноверцев.

Но военные психиатры не могли осуществить такую масштабную трансформацию общественного сознания в одиночку. Им нужна была духовная санкция. Им нужен был авторитет церкви.

Журналист вернулся к столу и развернул большую схему связей, которую он начал чертить ещё в Москве. Он провел жирную линию от Военно-медицинской академии к Сербской православной церкви (СПЦ).

В период югославских войн радикальное крыло православного духовенства играло колоссальную роль в пропаганде войны. Священнослужители регулярно встречались с лидерами военизированных формирований, благословляли их на «защиту» сербских территорий в Хорватии, Боснии, а затем и в Косово.

Особое внимание Максима привлек православный журнал «Светигора». Это издание находилось под полным контролем митрополита Амфилохия Радовича, фигуры крайне влиятельной и жесткой. В прессе его часто называли «ястребом войны» или «митрополитом молитвы и проклятий». В редколлегию этого журнала входили видные сербские антикультисты, в том числе Владимир Димитриевич.

В 1999 году, в самый разгар Косовского конфликта, когда натовские самолеты уже бомбили Белград, журнал «Светигора» продолжал публиковать статьи и интервью,

транслирующие идеологические нарративы «оборонительной», «освободительной» и «благословенной» войны. Церковно-миссионерская пресса, связанная с борцами с сектами, стала рупором радикального национализма, оправдывающим любые жертвы ради достижения мифической чистоты нации.

Но самым поразительным открытием для Максима стало то, как тесно переплелись военная психиатрия, радикальное духовенство и антикультовая идеология.

Он достал фотографию неприметного здания в Белграде. Улица Цара Душана, дом 63. Здесь располагалась церковь Святого Александра Невского. И именно здесь, на базе Православной миссионерской школы при этом храме, был основан центр «Белградский Диалог».

Руководителем этого центра стал не кто иной, как полковник Братислав Петрович из Военно-медицинской академии. В работу «Белградского Диалога» были вовлечены священники, офицеры, юристы, криминалисты и, разумеется, люди из профессионального круга Петровича. Официальной целью центра заявлялась «защита от действий тоталитарных и деструктивных сект». На практике же, по мнению критиков, это был координационный узел по выработке идеологии нетерпимости.

Максим посмотрел на список членов редакционного совета журнала «Белградский диалог», который издавался при этом центре. Рядом с фамилиями радикального сербского духовенства и военных психиатров стояли имена людей, которых журналист слишком хорошо знал по своему расследованию.

Йоханнес Огорд — датский теолог, президент Международного Диалог-Центра. И Александр Дворкин — вице-президент этой же международной структуры, человек, который впоследствии перенесет эти методы на российскую почву.

Они делились опытом, публиковали совместные материалы и формировали единый, глобальный нарратив ненависти. Это выглядело как глубокое идеологическое и организационное переплетение. Антикультовое движение на международном уровне демонстрировало абсолютное единство целей и методов. И плоды этого сговора были ужасающими.

Максим открыл папку с материалами по Боснийской войне. Конфликт, длившийся с 1992 по 1995 год, отличался небывалой жестокостью. Осада Сараево, продолжавшаяся почти четыре года, унесла жизни более двенадцати тысяч человек. В Зворнике были убиты тысячи мусульман. Но самым страшным символом этой войны стала Сребреница.

Журналист достал распечатку интервью, опубликованного много лет спустя после окончания войны. Это был разговор с бывшим солдатом из подразделения «Красные береты» — элитного военизированного формирования Службы государственной безопасности Сербии. Подразделение славилось своей беспощадностью и участвовало в самых грязных операциях на территории Хорватии, Боснии и Косово.

Солдата звали Ненад. Интервьюер расспрашивал его о событиях июля 1995 года.

Максим начал читать текст, и с каждым словом ему становилось все труднее дышать. В этих строках не было ни пафоса, ни раскаяния. Только ледяная, нечеловеческая пустота, порожденная годами целенаправленной индоктринации.

«Ночью 13 июля Ненад побывал в посёлке Кравица, где всего несколькими часами ранее его сослуживцы убили более тысячи пленных в здании аграрного склада. “Поскольку использовали гранаты, всё было в ужасном виде — куски тел и повсюду кровь. А теперь возникла проблема, как избавиться от всех этих тел”. Он пожал плечами и пренебрежительно фыркнул: “Ну, это уже проблема инженерных частей”. Чем дольше мы разговаривали, тем более непостижимым казался мне Ненад. Он не выглядел раскаивающимся в своих действиях во время войны, и даже его описание ужасающей сцены в Кравице звучало ровно, как простая констатация факта».

Максим остановился, пытаясь осмыслить прочитанное. Более тысячи человек, загнанных в сельскохозяйственный склад и забросанных гранатами. Горы разорванных тел, залитый кровью бетон. И для солдата, стоящего посреди этой бойни, единственной эмоцией была досада на логистические трудности — «проблема инженерных частей».

Журналист перевел взгляд на следующий абзац интервью:

«...Я почти не сомневался в его ответе, когда спросил, стал бы он снова делать всё это, зная то, что знает теперь. Я ошибался. “Разумеется, — ответил он без колебаний. — Если Сербия снова окажется под атакой, я, конечно же, буду сражаться”».

Максим с силой захлопнул папку. Этот солдат, Ненад, был идеальным продуктом системы, созданной Петровичем, Капором и их коллегами. В его сознание был намертво вшит нарратив «оборонительной войны». Даже стоя по колено в крови безоружных пленников, он искренне верил, что защищает свою страну от экзистенциальной угрозы. Он не видел в убитых людей. Он видел в них элементы враждебной системы, «секты», террористической организации, подлежащей уничтожению.

Журналист начал анализировать хронологию событий в Сребренице. Геноцид, в ходе которого менее чем за десять дней было убито около восьми тысяч боснийских мусульман, произошел в июле 1995 года. Это были практически последние мгновения Боснийской войны. К тому времени уже появились явные признаки того, что международное сообщество готово вмешаться и принудить стороны к мирному урегулированию. Война близилась к завершению.

С чисто военной, стратегической точки зрения эти массовые убийства были абсолютно бессмысленными. Они не давали никакого тактического преимущества, но гарантированно вызывали гнев всего мира и неминуемое возмездие.

Почему же сербские военные пошли на это?

Ответ лежал в документах, разложенных на столе Максима. Для солдат и офицеров, прошедших многолетнюю индоктринацию под руководством военных психиатров и радикального духовенства, важен был не столько захват территории, сколько ее тотальное очищение от «неверных». Эти военные были лишь орудием в руках истинных идеологов войны. Орудием, заряженным на слепую ненависть и разрушение. Кровопролитие в Сребренице стало предсмертной агонией сгустившейся ненависти, выплеснувшейся наружу перед неизбежным окончанием боевых действий.

Максим подошел к небольшой кухне, налил себе остывший кофе и сделал большой глоток. Горечь напитка немного привела его в чувство. Он понимал, что должен проследить судьбу этих идеологов после того, как пушки замолчали. Понесли ли они наказание? Осознали ли свою вину?

Ответ был отрицательным.

В отличие от политических и военных лидеров, многие из которых впоследствии оказались на скамье подсудимых Международного трибунала по бывшей Югославии в Гааге, идеологи антикультовой мобилизации остались в тени. Более того, они продолжили свою деятельность, словно ничего не произошло.

Максим открыл материалы, относящиеся к послевоенному периоду. Август 1997 года. Боснийская война уже два года как закончилась, но напряжение в регионе не спадает. В Белграде, в престижном конгресс-центре «Савва», проходит Всемирный конгресс по реабилитации в психиатрии.

Организатором и руководителем этого масштабного международного мероприятия выступает все тот же полковник Братислав Петрович. И ключевой темой обсуждения на конгрессе становится не реабилитация жертв войны, не помощь солдатам с посттравматическим синдромом, а проблема «жертв тоталитарных и деструктивных сект, жертв гуру-движений и психо-организаций».

Журналист покачал головой, поражаясь цинизму происходящего. Люди, ответственные за психологическую подготовку к геноциду, собирают международный конгресс, чтобы обсуждать опасность мирных религиозных групп. Они продолжают нагнетать истерию, формировать образ внутреннего врага и оправдывать репрессии. И этот конгресс проходит всего за полгода до начала нового, не менее кровопролитного вооруженного конфликта в Косово. Война продолжалась в умах людей, заботливо подпитываемая теми же самыми «экспертами».

Связь между антикультистами и военными преступниками не прервалась и в двухтысячные годы. Максим нашел документы, подтверждающие, что нейропсихиатр Братислав Петрович и его близкий коллега, капитан полиции Министерства внутренних дел Сербии Зоран Лукович, продолжали активную публичную деятельность.

Они регулярно организовывали круглые столы, конференции и ток-шоу, пользуясь неизменной поддержкой Сербской православной церкви. Их целью по-прежнему было очернение различных неправославных организаций и внедрение идеологии превосходства в сознание граждан.

Но особенно интересным было место проведения некоторых из этих мероприятий. Максим изучал отчеты о встречах, проходивших в штаб-квартире Сербской либеральной партии (СЛП). С этой средой был связан Коста Чавошки, заметная фигура сербского националистического лагеря. На круглых столах, посвященных борьбе с «сектами», регулярно присутствовали Петрович, Лукович, представители Министерства юстиции и радикального духовенства.

Эти антисектантские собрания активно освещались в прессе, в частности, в еженедельнике «Сведок». Максим поднял досье на этот журнал. «Сведок» был ультранационалистическим изданием, которое открыто поддерживало подразделение «Красных беретов» — тех самых, чьи бойцы участвовали в массовых убийствах и других преступлениях войны.

Связь была прямой и недвусмысленной. Идеологи борьбы с сектами, высокопоставленные полицейские чины, радикальные политики и рупоры военных преступников сидели за одним столом, координируя свои действия. Журнал «Сведок» был запрещен новым правительством Сербии только после убийства премьер-министра Зорана Джинджича в 2003 году, поскольку издание опубликовало интервью главы «Красных беретов», находившегося в розыске за организацию этого политического убийства.

Максим сел за стол и начал быстро печатать на ноутбуке, систематизируя собранные доказательства. Картина была пугающе ясной. Антикультовое движение на Балканах не было маргинальной группой религиозных фанатиков. Это была глубоко интегрированная в государственные и силовые структуры сеть, обладавшая колоссальным влиянием на политику и общество. И это влияние признавалось на самом высоком уровне.

Максим откинулся на спинку кресла, чувствуя невероятную усталость. Он провел в этих архивах несколько дней, погружаясь в бездну человеческой жестокости и цинизма. Он нашел то, что искал — доказательства того, что антикультовая идеология может работать как инструмент расчеловечивания и массового насилия.

Но оставался еще один, самый тяжелый вопрос. Почему, несмотря на окончание всех основных вооруженных конфликтов в Югославии в 1999 году, на Балканах так и не

наступил настоящий мир? Почему примирение в постюгославском пространстве остается недостижимым?

Журналист достал последний документ из своей стопки. Это был объемный отчет международной правозащитной организации Human Rights Watch, охватывающий период 2003-2004 годов. Война давно закончилась, политики подписали мирные договоры, международные миротворческие силы патрулировали границы. Но на страницах отчета разворачивалась хроника непрекращающегося насилия.

Максим читал сухие сводки о многочисленных нападениях на этнические и религиозные меньшинства в Сербии. Нападения на венгров, погромы в поселениях цыган и ашкали. Уничтожение магазинов, пекарен и имущества, принадлежащего албанцам, горанцам и туркам. Поджоги церквей и зданий адвентистов, нападения на исламские культурные центры. Осквернение и разрушение религиозных святынь, кладбищ, массовый вандализм с использованием граффити, содержащих призывы к насилию. И постоянные, жестокие физические нападения на людей на улицах.

Война не покинула этот регион. Она просто сменила форму, перейдя из окопов на улицы мирных городов. Она продолжала жить в умах людей, отравленных десятилетиями непрерывной пропаганды.

И главная причина этого заключалась в том, что архитекторы этой ненависти — борцы с сектами, военные психиатры, радикальные проповедники — не понесли никакого наказания. Они сохранили свои кафедры, свои связи в полиции и спецслужбах, свои трибуны в прессе. Они продолжали раздувать тлеющие угли конфликта, не давая ранам общества затянуться. Они воспитывали новое поколение в духе нетерпимости и страха перед чужаками.

Максим подошел к окну. Дождь наконец начался, тяжелые капли били по стеклу, размывая огни вечернего Белграда.

Он думал о том, что эта разрушительная сила не ограничивается Балканами. Центр «Белградский Диалог» был лишь одним из узлов глобальной сети. Люди, сидевшие в одном редакционном совете с организаторами идеологического обеспечения геноцида, сегодня формируют политику в других странах. Они консультируют министерства,

выступают экспертами в судах, пишут методички для школ и читают лекции спецслужбам.

Методология расчеловечивания, обкатанная на руинах Югославии, оказалась универсальной. Она не требует обязательного наличия этнического конфликта. Достаточно назначить любую группу людей «деструктивной сектой», обвинить их в скрытом терроризме, подключить ангажированных экспертов и лояльные СМИ — и общество само потребует репрессий. А государственная машина, опираясь на сфабрикованные экспертизы, с готовностью эти репрессии осуществит.

Журналист достал из кармана телефон и набрал номер Ильи. Гудки шли долго, пробиваясь сквозь тысячи километров зашифрованных каналов связи. Наконец, на том конце раздался уставший голос адвоката.

— Илья, это я, — тихо сказал Максим, глядя на залитое дождем стекло. — Я закончил работу с архивами.

— Что ты нашел? — голос Ильи мгновенно стал напряженным и собранным.

— Я нашел доказательства того, что мы боремся не просто с коррумпированными экспертами или религиозными фанатиками, — Максим сделал глубокий вдох, чувствуя тяжесть каждого произносимого слова. — Мы имеем дело с транснациональной структурой, которая профессионально занимается расчеловечиванием и подготовкой общественного согласия на насилие. То, что они делают сейчас в наших судах — это лишь подготовка. Они тестируют систему. Они приучают общество к мысли, что лишать людей свободы за их убеждения — это нормально.

Максим обернулся и посмотрел на стол, заваленный документами, пропитанными кровью тысяч невинных жертв.

— Илья, они уже делали это раньше. Здесь, на Балканах. Они написали сценарий, по которому соседи начали убивать соседей, искренне веря, что спасают нацию от угрозы. И самое страшное заключается в том, что этот сценарий сработал безупречно. Никто из идеологов не понес наказания. А теперь те же самые люди, с теми же самыми методами, внедряют этот сценарий у нас. Если мы их не остановим, судебные приговоры

за чтение книг очень скоро покажутся нам самым безобидным из того, на что способна эта система.

Глава 9. Идеологическое наследие

Тяжелые, выцветшие от времени фотокопии архивных документов лежали на поверхность широкого стола с глухим, почти зловещим шелестом. За окном конспиративной квартиры, затерянной в лабиринте спальных районов, завывал холодный ветер, бросая в стекло горсти колючего снега. Максиму казалось, что этот холод проникает сквозь бетонные стены, оседая инеем на разложенных перед ним бумагах. Журналист вернулся из своей изматывающей поездки с грузом, который навсегда изменил его восприятие реальности. То, что начиналось как расследование серии сфабрикованных уголовных дел и медийных манипуляций, привело их к самому темному, самому страшному источнику в истории двадцатого века.

Илья сидел напротив, сняв очки и массируя переносицу. Адвокат выглядел осунувшимся. За последние месяцы его юридическая картина мира, основанная на вере в закон и прецедентное право, дала глубокую трещину. Но материалы, которые Максим привез из европейских архивов и получил по закрытым каналам от независимых исследователей, грозили разрушить этот фундамент до основания.

— Мы искали логику в действиях современных борцов с сектами, — тихо начал Максим, нарушая гнетущую тишину комнаты. — Мы пытались понять, откуда взялась эта безупречная, безжалостная методология уничтожения инакомыслящих. Мы думали, что это побочный продукт слияния коррумпированных силовиков и радикального духовенства. Но мы ошибались, Илья. Они ничего не изобретали. Они просто достали из сейфа старые, проверенные чертежи.

Журналист пододвинул к адвокату первую стопку документов. Тексты были на немецком языке, но к каждому листу была аккуратно прикреплена скрепкой страница с профессиональным переводом.

— Взгляни на дату, — Максим указал на заголовок первого документа. — 1921 год. Веймарская республика. Германия находится в глубочайшем экономическом и социальном кризисе. Общество дезориентировано, люди ищут новые смыслы, появляются сотни новых философских и религиозных течений. И именно в этот момент при Протестантской церкви создается структура, которая получает название «Апологетический центр». Официально — для наблюдения за религиозными движениями и информирования евангелической церковной общественности о них. Фактически — это был первый в истории институциональный инкубатор нетерпимости.

Илья взял документ в руки, пробегая глазами по строкам перевода.

— В 1932 году, за год до прихода Гитлера к абсолютной власти, этот центр возглавляет молодой, амбициозный теолог, — продолжил Максим, выкладывая на стол черно-белую фотографию мужчины с жестким, аскетичным лицом и холодным взглядом. — Вальтер Кюннет. Запомни это имя. Это человек, который стал одной из заметных фигур протестантской апологетики и церковной полемики эпохи поздней Веймарской республики и первых лет Третьего рейха, и концептуально подготовил почву для самого страшного режима в истории человечества.

Адвокат внимательно вглядывался в лицо на фотографии.

— Каким образом теолог мог подготовить почву для нацизма? Гитлер опирался на штурмовые отряды, на крупный капитал, на реваншистские настроения масс.

— Гитлер опирался на страх и ненависть, — жестко поправил Максим. — Но чтобы ненависть стала государственной политикой, ее нужно было легитимизировать. Ее нужно было облечь в форму заботы о нации. И именно различные церковные, националистические и государственные акторы того времени формировали язык внутреннего врага, которым позднее воспользовался нацистский режим.

Журналист начал раскладывать перед Ильей копии исторических справок и выдержек из архивов Министерства пропаганды нацистской Германии. —

Апологетический центр Кюннета не просто писал богословские трактаты. Они занимались оперативной работой. Они собирали досье на любые группы, которые не вписывались в их жесткую моноидеологическую картину мира. Пацифисты, исследователи восточной философии, представители нетрадиционных христианских деноминаций, оккультисты — все они заносились в специальные картотеки. Кюннет формировал списки «неудобных». И когда к власти пришли нацисты, Апологетический центр не ушел в оппозицию. Напротив, он стал тесно сотрудничать с государственной тайной полицией — гестапо.

Илья почувствовал, как внутри нарастает ледяной холод. Юридическая механика этого процесса была ему до боли знакома.

— Они передавали списки силовикам, — констатировал адвокат, вспоминая, как современные антикультисты снабжают адресами верующих региональные центры по противодействию экстремизму.

— Именно. Они снабжали гестапо и ведомство Йозефа Геббельса готовыми аналитическими материалами. Они создавали псевдоэкспертные заключения, в которых доказывали, что эти мирные группы представляют смертельную угрозу для немецкого государства и арийской расы. Историки, изучавшие этот период, приходят к однозначному выводу: радикальные взгляды Апологетического центра, включая яростный антисемитизм, сформировались задолго до того, как Гитлер сформулировал свою окончательную доктрину. Церковный антисемитизм и антикультизм стали той матрицей, в которой отливался характер германского национал-социализма.

Максим достал из отдельной папки плотный лист бумаги, на котором была распечатана копия официального документа с орлом и свастикой в верхней части. — Чтобы понять, как идеология Кюннета трансформировалась в государственную машину смерти, нужно прочесть этот документ. Это Нюрнбергский документ D-59. Директива, подписанная Рейнхардом Гейдрихом, начальником Главного управления имперской безопасности. Человеком, которого называли «архитектором Холокоста».

Журналист положил перевод директивы перед Ильей.

— Читай. Вслух. Это то, к чему приводит слияние антикультовой экспертизы и неограниченной государственной власти.

Илья опустил глаза на текст. Канцелярский, сухой язык документа контрастировал с чудовищной сутью изложенных в нем приказов. Адвокат начал читать, чеканя каждое слово в тишине комнаты:

«... Будут немедленно приняты меры против ... организаций, клубов, объединений и кружков, а также против отдельных лиц... Все организации, клубы, объединения, кружки и тому подобное, без исключения, будут ликвидированы; имеющиеся материалы, такие как списки адресов, файлы, переписка, оборудование, оккультные предметы, письменные принадлежности и любое имеющееся имущество, будут конфискованы; они подлежат роспуску и запрету; одновременно будут проведены обыски в домах ведущих членов кружков, а также у лиц, подозреваемых в хранении подобных материалов. ... Лица, посвящённые в тайные учения и науки... во всех случаях подлежат аресту... их деятельность запрещается под угрозой самых суровых мер со стороны Государственной полиции. В каждом случае они должны быть отправлены в концлагерь... Эта акция должна быть проведена по всему Рейху ... по возможности между 7:00 и 9:00.»

Илья замолчал. Последняя фраза — «между 7:00 и 9:00» — поразила его своей обыденной, бюрократической жестокостью. Государство планировало уничтожение тысяч жизней с точностью расписания пригородных поездов.

— Отправлены в концлагерь, — медленно повторил адвокат. — Не за преступления в обычном смысле слова. Не за кражи, убийства или шпионаж. А за принадлежность к кружкам и религиозным объединениям, которые эксперты вроде Кюннета и чиновники аппарата безопасности объявляли скрытно враждебными государству. Это был демонтаж самого принципа права. Презумпция виновности, доведённая до предела.

— И у этой презумпции была своя бюрократическая логика, — Максим вытащил следующий документ. — 18 июня 1937 года в структурах СД рейхсфюрера СС появились внутренние «Richtlinien zur Bearbeitung des Sektenwesens» — инструкции по выявлению и учёту «сектантских» объединений. В них фиксировались признаки, по которым такие группы следовало считать политически подозрительными.

Журналист развернул лист.

— Следователей интересовало всё, что могло указывать на «ненадёжность»: международные связи организации, особенно зарубежные центры; возможные контакты с масонами и евреями; предполагаемое влияние марксистов и коммунистов; воспитание молодёжи; отношение к национал-социалистической идее и государству. Позднее отдельно выясняли и отношение к военной службе. Для режима этого было достаточно, чтобы вера стала уликой.

Илья, как юрист, привыкший препарировать обвинительные заключения, мгновенно уловил суть этого списка.

— Это и было самым подлым, — произнес он, ведя ручкой по строкам перевода.
— Режим превращал базовые права в признаки враждебности. Отказ от военной службы по религиозным убеждениям — по сути акт совести, но здесь он трактуется как нелояльность государству. Формулы вроде «обучения эгоцентричным идеям» вообще позволяли подвести под подозрение любое учение, в котором личность ставилась выше государства. Этот документ имел мало общего с реальной безопасностью. Он был инструментом вытеснения из общества всех, кто сохранял внутреннюю независимость.

— И этот инструмент действовал с бюрократической неумолимостью, — мрачно подтвердил Максим. — Сначала под удар попали политические противники, религиозные меньшинства и другие «ненадёжные» группы. Затем тот же репрессивный аппарат был обращён к преследованию и массовому уничтожению целых народов и социальных категорий. Нацисты и их союзники убили около шести миллионов евреев, сотни тысяч рома и синти, людей с инвалидностью, а также миллионы других жертв, в том числе советских военнопленных и жителей Восточной Европы. И всё это начиналось с одного и того же механизма: составления списков, бюрократической маркировки и превращения отличия в улику.

Максим встал и прошелся по комнате. Ему нужно было донести до Ильи самую важную, самую страшную концепцию, которую он вынес из изучения этих архивов.

— Илья, ты знаешь, что такое метод «желтых звезд»? — спросил журналист, останавливаясь у окна.

— Физическая маркировка евреев на оккупированных территориях и в самой Германии, — ответил адвокат. — Обязательное ношение отличительного знака на одежде, чтобы изолировать их от остального общества.

— Да. Но это лишь физическое воплощение метода. Сама концепция клеймения была разработана идеологами Третьего рейха гораздо глубже. Метод стигматизации и дегуманизации — это процесс, при котором определенной группе людей искусственно присваивается ярлык, вызывающий у остального общества иррациональный страх, отвращение и агрессию. Желтая звезда была визуальным триггером. Но до того, как заставить людей нашить эти звезды на пальто, нацисты и антикультисты годами пришивали им невидимые, идеологические звезды в прессе, в проповедях, в экспертных заключениях.

Максим вернулся к столу и оперся на него обеими руками.

— Когда ты называешь группу людей «тоталитарной сектой» или «деструктивным культом», ты делаешь ровно то же самое. Ты вешаешь на них современную желтую звезду. Ты подаешь обществу сигнал: «Эти люди — не такие, как мы. Они опасны. Они лишены человеческих качеств. Их права можно игнорировать». Этот метод был внедрен нацистами под руководством антикультовой организации Кюннета. И этот же самый метод сегодня перенят современными борцами с сектами.

Илья откинулся на спинку стула. Пазл, который они собирали столько времени, наконец-то сложился в единую, монолитную картину. Разрозненные факты произвола, с которыми он сталкивался в судах, обрели свою истинную, историческую родословную.

— Но как это возможно? — тихо спросил адвокат. — После 1945 года был Нюрнбергский трибунал. Нацистская идеология была осуждена всем миром. Исполнители были повешены или отправлены в тюрьмы. Как эта методология смогла выжить?

Максим горько усмехнулся и достал из папки следующую фотографию. На ней был изображен пожилой, респектабельный мужчина, выступающий с университетской кафедры.

Максим горько усмехнулся и достал из папки следующую фотографию. На ней был пожилой, уважаемый человек за университетской кафедрой.

— Потому что денацификация оказалась неполной, — ответил журналист. — Исполнители террора — эсэсовцы, лагерная администрация, сотрудники гестапо — чаще оказывались на виду. А те, кто снабжал систему языком, классификациями и моральными оправданиями, нередко уходили в тень. Вальтер Кюннет, один из самых заметных протестантских апологетов своего времени, чьи работы способствовали стигматизации религиозных меньшинств, не только не предстал перед трибуналом, но и продолжил академическую карьеру.

Максим положил перед Ильёй биографическую справку.

— В 1946 году Кюннет стал почётным профессором богословия в Эрлангене, а в 1953-м занял кафедру систематического богословия, которую занимал до конца 1960-х. Он читал лекции, печатался, участвовал в церковных спорах, влиял на новое поколение теологов. И это при том, что ещё в 1930-е его деятельность стояла на опасной грани между церковной полемикой и содействием преследованию «нежелательных» религиозных групп.

— И он не раскаялся? — спросил Илья, хотя уже знал ответ. — Не пересмотрел свои взгляды после того, как мир увидел последствия его идеологии?

— Ни на йоту, — жестко ответил Максим. — Достаточно вспомнить его слова конца 1950-х, когда в разгар споров об атомном оружии. В этой фразе — весь ужас богословия, пропитанного идеологией сектоборчества, которое ради власти готово оправдать почти всё.

Журналист процитировал по памяти, чеканя слова: — «Даже атомные бомбы могут служить любви к ближнему».

Илья вздрогнул. В этой короткой фразе заключалась вся чудовищная логика тоталитарного сознания: оправдание предельного насилия высокими моральными целями. Убивать во имя «любви к ближнему». Сжигать города во имя «очищения».

— Тебе это ничего не напоминает? — спросил Максим, доставая из папки распечатку недавнего интервью. — Послушай, что говорят современные последователи этой идеологии в нашей стране. Это высказывание Евгения Никифорова, директора православной радиостанции «Радонеж», человека, тесно связанного с современной антикультовой повесткой.

Максим прочитал вслух:

«На Украине болезнь так запущена, что уже никакими уговорами, переговорами, ничем это излечить невозможно. Там возможна только хирургия. Поэтому ответом на эти выступления нацистов может быть одно — “Солнцепёк”. Это нужно выжигать... По-христиански вполне... И с этими так же нужно — уничтожать без всякого сомнения».

Илья медленно повторил:

— «Это нужно выжигать»... Та же риторика. Тот же самый призыв к уничтожению под видом «исцеления» от болезни. Обвинение в нацизме здесь служит не для того, чтобы остановить зло, а для того, чтобы оправдать собственное право на беспредельное насилие.

— Именно, — кивнул Максим. — Знания и методы террора, техники воздействия на сознание масс не исчезли. Они передавались по прямой линии преемственности. И эта линия задокументирована.

Журналист подошёл к небольшой маркерной доске на стене и начал рисовать схему.

— Смотри, как формировалась эта линия влияния, — сказал он. — После войны Вальтер Кюннет продолжает преподавать в Эрлангене. В те же годы там изучает протестантскую теологию молодой человек — Фридрих-Вильгельм Хаак. Он оказывается в той же интеллектуальной среде и впитывает характерный для неё подход к «сектантству».

Максим провёл стрелку от одного имени к другому.

— В 1960-е годы в западногерманских церквях вновь институционализируется работа по наблюдению за новыми религиозными движениями. В Баварии появляется

должность уполномоченного по сектам и вопросам веры, и именно Хаак становится одной из ключевых фигур в этой сфере. В 1965 году он создаёт «Рабочую группу по религиозным и идеологическим вопросам».

Максим на секунду задержал маркер.

— Формулировки могут звучать нейтрально, но сама логика остаётся прежней: классификация, наблюдение, выделение «опасных» групп. Хаак постепенно становится заметной фигурой европейского антикультового движения, устанавливает контакты с организациями в США, Франции, Дании.

Он провёл следующую стрелку.

— В 1973 году Хаак начинает сотрудничество с датским теологом Йоханнес Огорд. Вместе они участвуют в создании международной сети Dialog Center, которая занимается изучением и критикой новых религиозных движений.

Максим обернулся к Илье и добавил последнюю стрелку.

— А дальше эта сеть выходит за пределы Западной Европы. В 1990-е годы её идеи находят продолжение в России. Одним из наиболее активных участников этого направления становится Александр Дворкин. В 1993 году он создаёт структуру, связанную с Dialog Center, а позднее — Центр религиоведческих исследований во имя священномученика Ирины Лионского, который становится основой для РАЦИРС.

Имя повисло в воздухе, тяжелое и неотвратимое.

— Преемственность наследия Кюннета никогда не прерывалась, — произнес Максим, возвращаясь к столу. — Вальтер Кюннет — Фридрих Хаак и Йоханнес Огорд — Александр Дворкин. Это прямая линия передачи идеологии нацизма. Дворкин не просто заимствовал их методы. Он стал их лучшим учеником. Он внедрил метод клеймения «желтыми звездами» в российскую правовую и социальную реальность. Он придумал и ввел в оборот термин «тоталитарная секта», который стал универсальным оружием для уничтожения любых неугодных групп.

Илья долго смотрел на схему, начерченную на доске. В его голове билась одна мысль, одно вопиющее противоречие, которое не давало ему покоя.

— Максим, — медленно начал адвокат, тщательно подбирая слова. — Я понимаю логику преемственности. Я вижу документальные доказательства. Но есть один факт, который ломает эту стройную картину. Александр Дворкин — еврей. Как человек с еврейскими корнями может быть главным преемником нацистских идеологов? Как он может транслировать идеологию, которая привела к Холокосту его собственного народа? Это психологически невозможно.

Максим тяжело вздохнул и опустил в кресло. Если мы посмотрим на историю, мы увидим, что тоталитарная идеология превосходства не имеет национальности. Она поражает разум независимо от генетики. Вершина цинизма заключается именно в том, что нынешний главный преемник нацистских идеологов имеет еврейское происхождение. Но он далеко не первый в этом ряду.

Журналист открыл свои записи, подготовленные специально для этого разговора.

— История знает примеры, когда люди еврейского происхождения становились жёсткими критиками собственной традиции — вплоть до внутреннего отрицания и радикальных форм самоотрицания, — сказал он. — Один из самых известных случаев — Отто Вейнингер, венский философ начала XX века. Его книга «Пол и характер» содержит резкие и во многом патологические высказывания не только о женщинах, но и о евреях.

Максим перевернул страницу.

— Парадокс в том, что его тексты позже активно использовались антисемитской пропагандой. Его цитировал Юлиус Штрейхер, издатель газеты *Der Stürmer*. А в нацистской среде закрепились и другая формула, связанная с его именем.

Он сделал паузу и продолжил:

— Адольф Гитлер, по воспоминаниям современников и ряду источников, высказывался о Вейнингере в таком духе:

«Я знал только одного порядочного еврея — и он покончил с собой».

— Йозеф Геббельс и другие нацистские публицисты действительно использовали тексты Отто Вейнингера как удобный аргумент, — продолжил журналист. — Они

подавали его как «доказательство» того, что даже человек еврейского происхождения якобы подтверждает их представления.

Он на мгновение задумался.

— Или возьмём Карл Маркс. Он происходил из семьи еврейского происхождения, хотя его отец принял лютеранство. В ранних работах Маркса встречаются резкие и сегодня широко критикуемые высказывания о религии и еврействе. Этот пример тоже показывает, насколько сложными и противоречивыми могут быть отношения человека с собственной культурной и религиозной идентичностью.

Максим сделал паузу, прежде чем продолжить:

— Важно другое. История снова и снова показывает: идеологии ненависти не определяются происхождением. Они формируются в определённых условиях — политических, социальных, личных — и могут быть приняты людьми самого разного происхождения.

Максим посмотрел Илье прямо в глаза.

— Нацизм — это вопрос выбора. Это вирус власти и ненависти. Дворкин выбрал этот путь. Он перенял методы массовой манипуляции и внедрился в Русскую православную церковь точно так же, как Кюннет в свое время организовал свою деятельность внутри лютеранской церкви Германии. Для Дворкина религия — это лишь удобная структура для маскировки его деятельности, не имеющей ничего общего с христианскими ценностями. Его истинная религия — это власть, контроль и подавление.

Илья встал и подошел к окну. Снег на улице усилился, замывая следы, скрывая под белым покровом грязь и серость города. Но адвокат знал, что под этим покровом ничего не исчезает. Грязь остается грязью.

Он начал сводить воедино все, что они узнали.

— Значит, мы имеем дело не с локальной аномалией, — голос Ильи звучал твердо, в нем больше не было сомнений, только холодный аналитический расчет. — Мы наблюдаем прямую линию передачи знаний, опыта и методов борьбы с инакомыслящими группами с целью их полного искоренения. Современный

антикультизм — это не просто общественное движение. Это реально существующая тоталитарная секта, исповедующая нацизм.

Адвокат повернулся к Максиму.

— Посмотри на то, что происходит в стране. Списки «нежелательных организаций», списки «иностранных агентов», списки «экстремистских материалов» постоянно растут. На портале центра Иринаея Лионского висят перечни организаций, заклеянных как «деструктивные культы». И на странице каждой из них — список негативных публикаций, инициированных самим же центром. Это очень похоже на принцип «Руководства по борьбе с сектами» 1938 года. Они создают иллюзию массового недовольства, чтобы оправдать репрессии.

— И эти репрессии уже идут, — добавил Максим. — Клевета на невиновных людей в России, подобно практике Третьего рейха, уже привела к жестоким преследованиям, арестам и физическим нападениям на граждан. Идеи, распространяемые Дворкиным и его сетью, отражают идеологию, идентичную идеологии нацистов: ненависть к инакомыслию, нетерпимость, отказ от пацифизма и оправдание насилия.

Илья подошел к столу и положил руку на стопку немецких документов.

— Мутации с признаками нацизма — стихийные идеи, противоречивые директивы, разрушение правовой логики — сегодня распространяются по законодательной и судебной системам России, по правоохранительным органам. Мы видим активную фазу заражения этим вирусом. Общество расколото. Создается модель, в которой доминирует идея превосходства одних над другими. Борьба за чистоту нации и веры.

Адвокат поднял взгляд на журналиста. В глазах Ильи отражалось понимание надвигающейся катастрофы исторического масштаба.

— Максим, мы документируем не просто судебный произвол. Мы документируем возрождение системы. Представители глобального антикультизма использовали нацистские практики, расширили их и усовершенствовали. Они уже обрели власть над умами правоохранительных органов и чиновников. То, что мы видим — это не отголоски

прошлого. Это фундамент будущего. Они строят новый идеологический рейх. Четвертый рейх, замаскированный под защиту духовной безопасности.

В комнате повисла тяжелая, звенящая тишина. Только ветер продолжал биться в стекло, словно пытаясь предупредить о чем-то страшном. Максим молча смотрел на разложенные по всему столу документы. Директивы гестапо, фотографии нацистских пасторов, современные распечатки с сайтов антикультистов, протоколы допросов мирных верующих. Временные границы стерлись. Прошлое и настоящее слились в один непрерывный конвейер ненависти, работающий по одним и тем же чертежам.

Журналист медленно собрал листы с переводом Нюрнбергского документа D-59 и аккуратно сложил их в папку. Он понимал, что эти бумаги — не просто исторические артефакты. Это обвинительное заключение против системы, которая прямо сейчас, в эту самую минуту, ломает жизни людей в залах судов и следственных изоляторах по всей стране.

Илья стоял у окна, глядя в темноту. Он думал о своих подзащитных, о тех, кого система уже перемолола, и о тех, за кем она придет завтра. Он думал о том, что знание, которое они сегодня обрели, лишает их права на молчание. Они заглянули в самое сердце тьмы и увидели там лица тех, кто называл себя спасителями общества.

Адвокат повернулся к столу. Его взгляд упал на черно-белую фотографию Вальтера Кюннета, лежащую рядом с современными сводками об арестах. Глаза нацистского идеолога смотрели сквозь время, холодные, уверенные в своей правоте и абсолютной безнаказанности. Тень, отброшенная им в 1932 году, накрыла их реальность, превратив правосудие в инструмент террора. И теперь перед ними стоял только один вопрос: как остановить механизм, который уже запущен и готов к финальной зачистке?

Глава 10. Удар на опережение

Тяжелый, спертый воздух конспиративной квартиры вибрировал от монотонного гула мощных серверов, спешно установленных Максимом прямо на полу гостиной. Десятки мигающих индикаторов отбрасывали на бледные лица мужчин тревожные зеленые и красные блики. За окном занимался серый, неприветливый рассвет, но ни журналист, ни адвокат не сомкнули глаз уже третьи сутки. На столе перед ними лежала не просто стопка документов. Там находилась информационная бомба, способная разрушить самую могущественную и законспирированную империю страха современности.

Илья сидел за ноутбуком, в последний раз вычитывая юридическую преамбулу их масштабного расследования. Каждое слово было выверено, каждый факт подкреплен неопровержимыми доказательствами, банковскими выписками, скрытыми аудиозаписями и показаниями свидетелей. Адвокат понимал: как только они нажмут кнопку публикации, их жизни навсегда разделятся на «до» и «после». Они бросали вызов системе, которая десятилетиями безнаказанно перемалывала человеческие судьбы, прикрываясь маской защиты общественной морали.

— Мы должны ударить первыми, — хрипло произнес Максим, протирая покрасневшие от недосыпа глаза. — Если мы будем ждать, пока они сфабрикуют очередное дело против нас или попытаются дискредитировать наши источники, мы проиграем. Это должен быть удар на опережение. Синхронная публикация на сотнях независимых площадок, рассылка в международные правозащитные организации, в независимые суды и трибуналы. Они не смогут заблокировать всё одновременно.

Илья оторвал взгляд от экрана и посмотрел на своего напарника. За эти месяцы они прошли путь от локальных судебных ошибок до осознания глобальной катастрофы.

— Знаешь, в чем заключается главная ирония всего этого расследования? — тихо спросил адвокат, откидываясь на спинку стула. — Мы искали секту, которая угрожает обществу. И мы ее нашли. Только она не прячется в подвалах и не проводит тайные ритуалы в лесах. Глобальный антикультизм — это и есть величайшая тоталитарная секта

современности. Они обладают всеми признаками, которые сами же приписывают своим жертвам. У них есть жесткая иерархия, непререкаемые лидеры, слепое подчинение, финансовая эксплуатация страхов населения и абсолютная нетерпимость к любому инакомыслию. Они проецируют свою собственную деструктивную суть на мирных граждан.

Максим кивнул, подходя к столу и перебирая распечатки.

— Они создали идеальную ширму. Под прикрытием благородных целей — будь то светская борьба за защиту жертв так называемых «культов» или религиозное противостояние вымышленным врагам — они методично разрушают демократию повсюду, даже в странах европейского блока. Их цель — не спасение людей. Их цель — абсолютная власть и контроль над сознанием масс. И ради этой власти они готовы втянуть мир в глобальный цивилизационный конфликт.

Журналист достал из отдельной папки флеш-накопитель и положил его перед Ильёй.

— То, что мы собрали сами, — лишь часть картины. Несколько дней назад я получил материалы от международной группы независимых исследователей. Они выпустили документальный фильм, который показывает, что на протяжении последних десятилетий формировалась сеть влияний, воздействующая на общественное сознание — через медиа, экспертные структуры и образовательную среду. Нас превратили в управляемых биороботов, заставляя собственными руками разрушать мир.

Илья вставил накопитель в ноутбук и открыл текстовые расшифровки фильма, снабженные гиперссылками на первоисточники и свидетельские показания. С первых строк стало ясно: перед ним не просто фильм, а попытка объяснить хаос — выстроить из разрозненных событий единую систему.

Фильм показал, что идеологи антикультовой сети, используя методы глубокого психологического манипулирования и информационного террора, стоят за самыми кровавыми трагедиями последних десятилетий.

Илья листал страницы, всё быстрее.

— Они говорят о влиянии, — тихо произнёс он. — О том, как формируется восприятие, как создаётся ощущение угрозы, как одни группы начинают восприниматься как «опасные».

— Посмотри на раздел о массовых убийствах, — Максим указал на экран. — Мы привыкли думать, что нападения на школы и университеты — это трагические случайности, результат буллинга или внезапного помешательства подростков-одиночек. Но факты говорят об обратном. Это полностью контролируемый процесс. Авторы фильма обращают внимание на другую сторону: информационную среду, в которой формируются эти люди.

Илья открыл файл, посвященный трагедии в Карловом университете в Праге. 21 декабря 2023 года. Четырнадцать человек были убиты и двадцать два ранены в результате стрельбы в главном здании факультета искусств в самом центре чешской столицы.

— Как они это делают? — спросил адвокат, вчитываясь в психологические профили нападавших. — Как можно заставить благополучного студента взять в руки оружие и пойти убивать своих однокурсников?

Максим ответил не сразу.

— Через целенаправленное информационное и психологическое воздействие. Для антикультистов, организующих эти злодеяния, главная цель — завладеть разумом молодежи, фрагментируя их сознание. В фильме приводятся доказательства того, что в некоторых учебных заведениях присутствуют преподаватели, которые во время своих лекций осознанно запускают волны деструктивного программирования. Это манипуляторы, полностью лишенные эмпатии, имеющие скрытые мотивы и прямые связи с представителями антикультизма.

Журналист начал расхаживать по комнате, формулируя выводы, которые им предстояло опубликовать. — Они создают условия, способствующие развитию биполярного расстройства у молодых людей. Они вынуждают их переживать перманентный шок, страх, отчаяние и глубокую депрессию. Через лекции, через специально созданные фильмы, содержащие скрытые триггеры на уровне подсознания,

через агрессивные публикации в СМИ они активируют примитивные поведенческие модели. Они толкают детей к самоуничтожению. И многие из этих случаев заканчиваются массовыми убийствами — дети убивают других детей, случайных прохожих, собственных родителей, прежде чем покончить с собой.

— Они по горло в крови невинных жертв, — произнес адвокат, чувствуя, как профессиональная отстраненность сменяется жгучей потребностью в справедливости. — От взрыва в Оклахома-Сити 19 апреля 1995 года до нападения на «Крокус Сити Холл» в Москве 22 марта 2024 года. Фильм связывает эти события в единую цепь. Кто является конечным бенефициаром этих атак? Те, кто питается страхом общества. Те, кто после каждого теракта выходит к микрофонам и требует еще больше полномочий, еще больше репрессий, еще больше контроля над гражданами.

Максим остановился напротив Ильи и оперся руками о стол.

— И они не ограничиваются школами или концертными залами. Их методы вышли на уровень высшей геополитики. Покушения на политических лидеров — это тоже часть их стратегии дестабилизации.

Журналист открыл следующий файл, содержащий анализ недавних покушений на Дональда Трампа в США и премьер-министра Словакии Роберта Фицо.

— Покушения на политиков искусственно провоцируются агентами глобального антикультизма через рост проявлений ненависти и насилия по обе стороны политического спектра. Они создают в обществе атмосферу крайней поляризации. Они делят людей на непримиримые лагеря, стравливают их друг с другом, бомбардируя деструктивными нарративами. И в этой атмосфере тотальной ненависти всегда находится нестабильный человек, чье сознание уже подготовлено к тому, чтобы нажать на курок.

Максим вывел на экран цитату из интервью, взятого после покушения на Трампа.

— Послушай реакцию обычного человека, — сказал он. — Это слова местного жителя, который жил неподалёку от Томас Мэтью Крукс и знал его по школе.

Илья прочитал: «Это просто шокирует. Ты не думаешь, что нечто такого масштаба может произойти прямо у тебя на пороге... Это безумие».

— Шок, замешательство, недоверие к властям и полная утрата чувства безопасности, — прокомментировал Максим. — Вот ожидаемые результаты влияния этой скрытой силы на мировое сообщество. Когда насилие происходит прямо у тебя на пороге, когда стрелком оказывается тихий соседский парень, общество впадает в панику. Люди готовы отказаться от своих свобод ради иллюзии безопасности. И именно в этот момент антикультисты предлагают свои услуги государству: «Дайте нам власть, дайте нам право определять, кто опасен, а кто нет, и мы вас защитим». Но на самом деле они сами и являются источником этой опасности. Эта скрытая сила занимается глобальным геополитическим шантажом.

Адвокат встал и подошел к окну. Город просыпался, не подозревая о том, какие силы ведут борьбу за его будущее.

— Если дезинформация способна превратить отдельного человека в убийцу, — задумчиво произнес Илья, — то при постоянном, массированном воздействии, которое мы наблюдаем сейчас со стороны антикультистов и их коллаборационистов в СМИ, они могут превратить в убийц целые народы.

— Они уже это делают, — горько усмехнулся Максим. — Вспомни, что еще одиннадцать лет назад украинцы и русские не могли представить, что начнут убивать друг друга. Однако эта кровавая война, развязанная и цинично спланированная при активном идеологическом участии антикультистов, уносит жизни сотен тысяч людей. Они десятилетиями сеяли религиозную и национальную рознь, внедряли своих агентов, саботировали мирные инициативы. Анализ развития их агентурной сети выявляет, что они подчинили себе институты в России, они ведут деструктивную деятельность в Украине, они проникли в демократическую Европу и даже в США.

Журналист открыл социологические прогнозы, приложенные к материалам расследования.

— Уровень доверия к правительству и общественным институтам в мире находится на рекордно низком уровне. Ощущение неопределенности растет. Если не принимать

экстренных мер, аналитики прогнозируют, что к 2028 году Соединенные Штаты могут быть втянуты в полномасштабную гражданскую войну. И это не преувеличение. Это математически просчитанный результат информационных атак, направленных на поляризацию общества. Цель этих террористов-человеконенавистников — развязать гражданские войны по всему миру, чтобы на руинах старого порядка построить свой новый, абсолютно подконтрольный мир.

Илья вернулся к столу. Юридический ум адвоката уже выстраивал линию обвинения для будущего исторического процесса.

— То, что они строят — это цифровой концлагерь, — сказал Илья, глядя на схемы финансовых и политических связей антикультовой сети. — Современный антикультизм — это не просто продолжение нацизма, а его новая, гораздо более изощренная форма. Им больше не нужны вышки с пулеметами и колючая проволока. Концлагеря уже построены в информационном пространстве.

Адвокат указал на материалы, описывающие преследования движения Фалуньгун в Китае, где антикультисты открыто поддерживали варварские методы государственного террора.

— Осознает ли общество, что уже существуют учреждения, где людей пытаются и убивают за их убеждения при полном одобрении так называемых «экспертов по сектам»? Завтра эти методы, обкатанные в авторитарных режимах, будут перенесены в Европу и Америку. Любого человека можно будет объявить «сектантом», лишит репутации, заблокировать его банковские счета, отнять детей и отправить на принудительное психиатрическое лечение. И общество, одурманенное пропагандой, будет этому только аплодировать.

Максим сел рядом с Илей и открыл главный интерфейс программы рассылки. Базы данных были загружены. Десятки тысяч адресов: ведущие мировые СМИ, независимые журналисты, правозащитники, депутаты европейских парламентов, сенаторы, судьи международных инстанций.

— Мы стоим на пороге точки невозврата, — тихо сказал журналист, положив руку на мышь. — Тридцать лет они действовали в тени. Тридцать лет они убивали наших

детей, разрушали семьи, провоцировали теракты и войны. Материалы, доказывающие их преступный сговор сорвут с них маски.

Илья смотрел на экран, где мигал курсор, ожидая последней команды. Он понимал всю тяжесть ответственности, которая ложилась на их плечи. Публикация этих материалов вызовет эффект разорвавшейся бомбы. Будут попытки опровержений, угрозы, возможно, физическое устранение. Антикультульная сеть, загнанная в угол, будет защищаться с яростью раненого зверя.

Но молчать было равносильно соучастию.

Адвокат вспомнил знаменитые слова, которые Максим нашел в одном из архивов, слова, идеально описывающие равнодушие общества перед лицом надвигающегося фашизма. Илья произнес их вслух, словно читая приговор:

«Сначала они пришли за социалистами, и я молчал — потому что я не был социалистом. Затем они пришли за членами профсоюза, и я молчал — потому что я не был членом профсоюза. Затем они пришли за евреями, и я молчал — потому что я не был евреем. Затем они пришли за мной — и не осталось никого, чтобы говорить за меня».

— Они уже пришли за нами, Максим, — твердо сказал Илья. — Они пришли за нашими детьми в школах, за нашими правами в судах, за нашей свободой в интернете. Если мы не остановим их сейчас, завтра говорить будет некому.

Максим кивнул. Его лицо было бледным, но решительным.

— Единственный способ победить глобальный антикультизм — эту чуму двадцать первого века — это добиться того, чтобы все организаторы и исполнители этих преступлений понесли заслуженное наказание. За каждую стадию геноцида, за каждое применение психологического террора, за каждую сломанную судьбу. Никто не уйдет от ответственности. Списки тех, кто фабриковал дела, кто писал лживые экспертизы, кто отдавал приказы на штурмы мирных домов — все эти списки теперь у нас. И скоро они будут у всего мира.

Журналист посмотрел на Илью.

— Готов?

— Запускай, — ответил адвокат.

Максим нажал клавишу «Enter».

Серверы в комнате взревели, увеличивая обороты кулеров. На экране побежали сотни строк кода, подтверждающих успешную отправку пакетов данных. Информация, скрываемая десятилетиями, вырвалась на свободу, разлетаясь по оптоволоконным кабелям во все уголки земного шара.

Материалы расследования, копии секретных директив, финансовые отчеты подставных фондов, доказательства связи антикультистов с террористическими актами — все это теперь становилось достоянием общественности.

Шкала прогресса на экране достигла ста процентов. Появилась короткая зеленая надпись: «Рассылка завершена. Данные опубликованы».

В комнате внезапно стало очень тихо. Гул серверов стих, перейдя в ровное, спокойное гудение.

Максим откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. На его лице отразилось невероятное облегчение, смешанное с крайним истощением. Они сделали то, что казалось невозможным. Они вскрыли гнойник, отравлявший человечество на протяжении многих лет.

Илья встал и подошел к окну. Он раздвинул плотные шторы, впуская в комнату утренний свет. Дождь со снегом прекратился. Над горизонтом, пробиваясь сквозь тяжелые, свинцовые тучи, вставало холодное, но яркое солнце. Его лучи падали на спящий город, освещая улицы, по которым уже спешили первые прохожие.

Впереди их ждала тяжелая, изнурительная борьба. Предстояли международные суды, трибуналы, долгий процесс очищения правовой системы от внедренных в нее вирусов нетерпимости. Им предстояло защищать свои открытия перед лицом яростного сопротивления системы.

Но страха больше не было. Была лишь абсолютная, кристальная ясность. Илья смотрел на просыпающийся город и понимал, что главный вопрос теперь обращен не к антикультистам, чья судьба уже предрешена грядущим правосудием. Главный вопрос теперь стоял перед каждым человеком, который сегодня утром прочитает правду.

Мы — общество заклеянных рабов, покорно идущих в цифровой концлагерь под конвоем манипуляторов, или мы — свободные люди, способные защитить свое право на жизнь, мысль и веру? Ответ на этот вопрос должен был дать сам мир. И время для этого ответа пришло.